

мойскій и Чарнецкій; остальные или переходили отъ страха къ смѣлости, или молча скрывали тревогу, или нагло ее выражали, или предавались въ тишинѣ безмолвному отчаянію.

Но велико, чрезвычайно велико вліяніе сильного, искренно воодушевленнаго человѣка! Могучими крылатыми словами, благородными дѣяніями, величіемъ своей экзальтированной чистой души, страстью возвышенной натуры, глубиной мирозерцанія, онъ импонирующимъ образомъ дѣйствуетъ на окружающую его толпу, въ извѣстные моменты возносить ее на небывалую высоту, заставляя ее жертвовать своими низменными интересами во имя высшихъ цѣлей. Толпа чувствуетъ превосходство такихъ людей и, сознавая свою слабость, невольно подчиняется имъ. Вліяніе Кордецкаго было поразительно. Достаточно было ему показаться, чтобы всеобщій упадокъ духа смѣнился горячимъ, захватывающимъ энтузіазмомъ.

VIII.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, когда Кордецкій шелъ по корридору въ монастырь, внезапно его остановилъ Янъ Ласота и съ плачемъ упалъ передъ нимъ на колѣни; настоятель въ испугѣ отступилъ назадъ.

— Что вы?—спросилъ онъ съ удивленіемъ,—чего вы хотите?

— Ахъ!—воскликнулъ старецъ, заливаясь слезами, — несчастье, большое несчастье! Я не могу говорить... вотъ спросите его, спросите!!

Слѣдомъ за старикомъ бѣжалъ отецъ Петръ, съ блѣднымъ измѣнившимся лицомъ.

— Что такое? шведы ворвались? измѣна? что случилось?—спрашивалъ встревоженный Кордецкій.

— Нѣтъ, нѣтъ,—прерывающимся голосомъ отвѣтилъ отецъ Петръ,—несчастье, преступленіе!

— Преступленіе? здѣсь? Но говорите-же, ради Бога, что случилось? Погибли, что-ли, наши мученики-послы?..

— Нѣтъ нѣтъ, это наше семейное несчастье.

— Что-же могло случиться? Убили когонибудь?

— Убили или похитили, — неизвестно, — сказалъ отецъ Петръ Лассота. — Вы вѣдь, отче, видѣли нашу внучку, Ганну?..

— Но что же съ ней могло случиться?

— Исчезла, пропала... Вчера вечеромъ пошла въ часовню.... и не вернулась.

— Блянусь, это сдѣлалъ Кшиштопорскій изъ мести ко мнѣ, — воскликнулъ старецъ, — это не кто иной, какъ онъ. Тутъ не можетъ быть никакого сомнѣнія...

— Не можетъ быть! — съ волненіемъ возразилъ настоятель. — Здѣсь, возлѣ нашей святыни, предъ лицомъ Бога, въ виду угрожающей намъ всеѣмъ опасности такое преступленіе... это невозможно! Но какимъ образомъ это случилось?

Оба брата не въ состояніи были отвѣчать; но, къ счастью, подошла сосѣдка Лассотовъ, госпожа Ядвига Ярошевская, и передала все, что знала.

— Гандзя, — сказала она, — часто по вечерамъ, когда старый господинъ Лассота засыпалъ, уходила въ часовню; вотъ и вчера я сама видѣла, какъ она вышла въ сумерки.... и болѣе не вернулась. Мы ждали, ждали.... потомъ отправились искать, но гдѣ тамъ!... ни слѣда.

— Можетъ быть, ей дурно сдѣлалось и она упала? Надо искать.

— Ахъ, мы обошли весь монастырь, осмотрѣли всѣ углы: нигдѣ даже слѣда не нашли.

— Если-бы она была убита случайно или умышленно, остались-бы какіе-нибудь слѣды.

— Виновникомъ этого, навѣрно, Кшиштопорскій, — повторилъ старецъ. — На несчастье я прибылъ сюда; какъ только я его увидѣлъ, какъ тотчасъ меня охватило предчувствіе чего-то дурного... Не даромъ меня не покидала какая-то непонятная тоска. Я чувалъ свою гибель. Лучше-бы мнѣ было скрыться въ какомъ-нибудь дремучемъ лѣсу и тамъ умереть съ голоду!.. Несчастное дитя! . Быть можетъ, ее выдали шведамъ....

Янъ Лассота упалъ на землю и громко зарыдалъ; отецъ Петръ хотѣлъ утѣшить своего брата, но возможно-ли это было? Настоятель самъ взялъ его подъ руку и хотѣлъ было увести въ квартиру, но старецъ не могъ уже вернуться туда, гдѣ жилъ съ внучкой, — тамъ все напоминало-бы о Ганнѣ, а потому пришлось отвести его въ келью отца Петра.

Тѣмъ временемъ Кордецкій молча отправился въ укрѣпленіе, размышляя о случившемся. Онъ не могъ даже допустить такой мести, не смѣлъ обвинять подозрѣваемаго шляхтича, тѣмъ не менѣе хотѣлъ его видѣть, посмотрѣть ему прямо въ глаза и, если возможно, прочитатъ то, что происходило въ его душѣ. Настоятель не успѣлъ еще дойти до башни, гдѣ былъ постъ шляхтича, какъ вдругъ встрѣтилъ его на дорогѣ.

Кшиштопорскій былъ мраченъ и дикъ, какъ всегда. Лицо его, по обыкновенію, было печально, но теперь въ его блуждающемъ взорѣ временами мелькало что-то похожее на радость, онъ казался нѣсколько успокоеннымъ, какъ-бы тѣмъ-то удовлетвореннымъ. Шляхтичъ первый привѣтствовалъ настоятеля, который молча со вниманіемъ на него смотрѣлъ.

— Я вышелъ только на самое короткое время изъ укрѣпленія, чтобы осмотрѣть наши пороховые погреба, но меня смѣнилъ отецъ Игнатій, который можетъ засвидѣтельствовать, что я ни днемъ, ни ночью не схожу съ поста и теперь черезъ нѣсколько минутъ возвращусь назадъ.

Настоятель все еще смотрѣлъ, а Кшиштопорскій продолжалъ:

— Мы совершенно готовы къ бою и по первому знаку можемъ начинать.

— Вы слышали о происшествіи?—спросилъ Кордецкій.

— О какомъ? — довольно спокойно, но все же опустивъ глаза, промолвилъ шляхтичъ.— О задержаніи шведами священниковъ Малаховскаго и Блешинскаго?

— Нѣтъ, о случаѣ съ внучкой господина Лассоты?

Кшиштопорскій нахмурился.

— А что-же случилось?—спросилъ онъ.

— Исчезла,—сказалъ Кордецкій,—неизвѣстно куда.

— Можетъ быть, убита,—тихо прошепталъ шляхтичъ.

— Да вѣдь со времени тѣхъ злополучныхъ переговоровъ пальба прекратилась...

— Кто знаетъ, быть можетъ, гдѣ-нибудь утонула,—замѣтилъ Кшиштопорскій,—или упала со стѣны... Да, наконецъ, здѣсь не мало шляется никому неизвѣстныхъ людей.

Настоятель внимательно слѣдилъ за выраженіемъ его лица, но шляхтичъ ничѣмъ себя не выдалъ и съ виду казался совершенно спокойнымъ, что впрочемъ было неудивительно.

— Господинъ Кшиштопорскій,—послѣ минутнаго молчанія проговорилъ Кордецкій,—всѣмъ хорошо извѣстно, что Янъ Лассота и вы были смертельными врагами...

— Были? Не только были, но и остаемся таковыми!—возразилъ шляхтичъ.—Но что изъ этого слѣдуетъ, отче?

— То, что всѣ въ монастырѣ считаютъ васъ виновникомъ этого таинственнаго исчезновенія.

— Я этого могъ ожидать.

— Да?... ваша совѣсть спокойна?... Вы можете поклясться, что это не ваша работа?

— Чтобы обвинять человѣка въ преступленіи, мнѣ кажется, недостаточно голословнаго заявленія, вызваннаго неприязнью, надо нѣчто болѣе вѣское, необходимы доказательства, а въ данномъ случаѣ таковыхъ нѣтъ, да и быть не можетъ.

— Почему-же вы такъ увѣрены?

— Потому, что я другимъ занятъ,—холодно проговорилъ Кшиштопорскій.—Не скрываю, что меня радуетъ несчастье Яна Лассоты, такъ какъ не мало мнѣ изъ-за него пришлось выстрадать, но въ этомъ происшествіи я не принималъ участія. Впрочемъ, чтоже-бы я съ ней сдѣлалъ? Вы, быть можетъ, знаете, что исчезнувшая дѣвочка внучка моей жены?

— Господинъ Кшиштопорскій, Богъ не благословляетъ ненависти.

— Но Богъ не требуетъ прощать обиды тому, кто въ нихъ не кается.

— Напротивъ.

Шляхтичъ повернулся немного въ сторону и умолялъ.

— Что дѣлать!—промолвилъ онъ чрезъ минуту,—пусть обвиняють.... я не виновенъ.

— Вашъ постъ какъ разъ находится противъ квартиры Лассоты; вамъ легко было замѣтить какъ она оттуда вышла.... Не подозрѣваете-ли вы кого-нибудь?

— Я смотрю на шведскій лагерь, но не на какія-то окна.

Сказавъ это, онъ отошелъ въ сторону, а настоятель со вздохомъ удалился.

Въ это самое время по двору бѣжала съ распущенными волосами Констанція и громко кричала.

— Правосудіа! правосудіа! Предъ лицомъ пресвятой Дѣвы свершилось преступленіе!

Она миновала Кордецкаго, подбѣжала къ окну Лассоты, заглянула въ него, осмотрѣлась, нѣтъ-ли какихъ слѣдовъ на покрытой инеемъ мостовой и у крыльца, затѣмъ быстро повернула назадъ, во дворъ. Здѣсь она пріостановилась, оглянулась во всѣ стороны, и, замѣтивъ у бруствера Кшиштопорскаго, крикнула:

— Онъ! это онъ!

И указала на него пальцемъ.

Кшиштопорскій, услышавъ восклицаніе, невольно вздрогнулъ, повернулся и ничего не отвѣтилъ. Старая поспѣшила за настоятелемъ, но, точно раздумавъ, съ половины дороги повернула снова назадъ, и, накинувъ на голову платокъ, медленно направилась къ квартирѣ Лассоты. Здѣсь она вынула полученный нѣкогда отъ Ганны хлѣбъ и со слезами, цѣлуя его, тихо шептала:

— Нѣтъ, нѣтъ, этого быть не можетъ, онъ не могъ ее убить и гдѣ-нибудь здѣсь, поблизости, ее скрылъ, она найдется, О! я чувствую, что это дѣло его рукъ! Бѣдное дитя, за что ты-то страдаешь, за чьи старые грѣхи и подвергаешься незаслуженной мести за давно минувшее! Но Пресвятая Дѣва смилуется, этого быть не можетъ.... я ее найду. Бѣдное дитя, — повторяла старушка, — неужели ей придется пропасть такъ ни за что? А каково несчастному старцу, вѣдь онъ не вынесетъ этого горя.

Констанція долго плакала, но наконецъ, успокоившись и утѣшивъ себя надеждой, поднялась съ земли и поспѣшила уйти, такъ какъ вокругъ нея стала уже собираться толпа любопытныхъ.

IX.

Генераль Миллеръ чрезвычайно удивился, увидѣвъ возвращающагося отца Захарія съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ лица, съ какимъ онъ ушелъ въ монастырь. Ни приниженности, ни покорности, ни поспѣшности въ немъ не замѣчалось, а это было неутѣшительнымъ признакомъ, въ смыслѣ желаннаго от-

вѣта относительно капитуляціи. Блешинскій тихо молился и готовился къ смерти, которая, какъ для него, такъ и его товарища, казалась неминуемой.

Нахмутивъ брови и силою воли воздерживаясь отъ проявленій гнѣва, Миллеръ приказалъ ввести обоихъ задержанныхъ священниковъ. Генерала окружали князь Гесскій, Садовскій и Вейгардъ.

Первый свысока смотрѣлъ на Миллера и избѣгалъ съ нимъ разговора, Садовскій былъ молчаливъ и не скрывалъ своего отвращенія къ шведу, а Вейгардъ попеременно то льстилъ, то принималъ сдержанный таинственный видъ политика, ловко умѣющаго внушить свою мысль, въ тоже время не признаваясь къ ней.

тѣмъ — ит.

Былъ вечеръ. Шатеръ генерала выглядѣлъ довольно оригинально. На одномъ столѣ старшіе офицеры играли въ карты, на другихъ, покрытыхъ великолѣпными, отовсюду награбленными скатертями, стояли драгоценныя блюда съ разными яствами и старинные хрустальные графины съ винами и другими напитками. По стѣнамъ висѣли доспѣхи, кольчуги, мечи, пистолеты, кинжалы, отдѣланные серебромъ.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ, за недостаткомъ стульевъ, сидѣли на разноцвѣтныхъ бархатныхъ сѣдлахъ, покрытыхъ красиво расшитыми попонами.

Слуги суетились, разливая по огромнымъ бокаламъ вино и подавая ихъ гостямъ. Шатеръ освѣщался церковными люстрами, канделябрами и огромными похоронными свѣчами, вставленными въ соответственныхъ размѣровъ церковные подсвѣчники. Время отъ времени слышались громкія восклицанія и раскатистый хохотъ. Вейгардъ былъ всюду: съ однимъ изъ гостей онъ оживленно бесѣдовалъ, съ другимъ таинственно о чемъ-то шептался, передъ тѣми, что поважнѣе, разсыпался въ любезностяхъ, а всѣмъ вообще льстилъ.

Миллеръ, увидѣвъ священниковъ, указалъ на нихъ своимъ гостямъ:

— Завтра утромъ на висѣлицу! — крикнулъ онъ. — Не хотите мира, такъ я раззорю до основанія это гнѣздо папистовъ и язычниковъ, но прежде вы будете казнены.

Блешинскій и Малаховскій, уже приготовленные къ такому

рѣшенію, не выразили ни испуга, ни смущенія и даже не про-
ронили ни одного слова. Вейгардъ глядѣлъ на священниковъ
съ злобной радостью, Садовскій съ состраданіемъ, иные даже
изъ играющихъ подняли головы, съ любопытствомъ посматривая
на осужденныхъ и интересуясь тѣмъ, какое впечатлѣніе на
нихъ произвелъ этотъ вердиктъ.

— Написать приговоръ, — сказалъ генераль, — и поставить
висѣлицу, а завтра утромъ казнить.

Онъ ждалъ, не обратятся ли къ нему монахи съ просьбой
о помилованіи, но тѣ упорно молчали; Миллера это молчаніе
начинало страшно бѣсить; нѣкоторые изъ присутствующихъ поля-
ковъ переглянулись, и, шепнувшись, ото другъ другу, удалились.

— Готовьтесь къ смерти, — повторилъ генераль.

— Мы каждую минуту готовы умереть за вѣру, роди-
ну и нашего монарха, — отвѣтилъ Малаховскій. Выходившіе
изъ шатра поляки слышали этотъ отвѣтъ. Миллеръ, указывая
на священниковъ, сказалъ одному изъ младшихъ офицеровъ:

— Заключить ихъ подъ стражу; смертный приговоръ по-
слать въ монастырь; висѣлицу поставить поближе къ укрѣпле-
ніямъ; быть можетъ, отецъ настоятель пожелаетъ насладиться
съ высоты своихъ стѣнъ пріятнымъ зрѣлищемъ.

Хотя Вейгардъ обыкновенно поддакивалъ Миллеру и одоб-
рялъ тотчасъ слишкомъ крутыя мѣры, какъ, напримѣръ, въ дан-
номъ случаѣ, въ расчетъ, что Ясная Гора должна будетъ сдать-
ся ради спасенія своихъ вѣрныхъ сыновъ, тѣмъ не мѣня въ
эту минуту не рѣшался высказаться, ясно видя по выраже-
нію лицъ присутствующихъ, до какой степени они возмуще-
ны поступкомъ генерала. Послѣ ухода монаховъ, князь Гесскій
какъ будто нехотя проронилъ:

— Такими мѣрами мы врядъ-ли приобрѣтемъ много друзей
Карлу Густаву.

— И вдобавокъ — сказалъ, прохаживаясь взадъ и впе-
редъ Садовскій, — это будетъ нарушеніемъ данного королемъ обѣ-
щанія, такъ какъ охранныя грамоты гарантируютъ безопасность
лицъ....

— Только не бунтовщиковъ, — прервалъ Миллеръ.

— Это священники, — замѣтилъ князь Гесскій, но впрочемъ,
дѣлайте, генераль, что вамъ угодно.

Миллеръ значительно поглядѣлъ на Вейгарда, какъ-бы ожидая поддержки отъ своего союзника, но ловкій графъ, замѣтивъ, что вѣтеръ дуетъ уже съ другой стороны, подъ благовиднымъ предлогомъ удалился.

Вскорѣ сѣли ужинать. Князь Гесскій снова, какъ-бы равнодушно, процѣдилъ:

— Скажите, генераль, вы развѣ въ самомъ дѣлѣ думаете повѣсить тѣхъ двухъ монаховъ?

— А почему-бы мнѣ не сдѣлать этого?

— Конечно, вы имѣете право, въ этомъ не можетъ быть сомнѣніе, но что мы выиграемъ?

— Это видно будетъ.

— У насъ и такъ не мало недовольныхъ поляковъ, они далеко не вѣрные союзники, а что-же будетъ потомъ?

— А развѣ мы ихъ боимся?..

— Боимся? нѣтъ, но все-таки не слѣдуетъ ихъ раздражать.

Миллеръ пожалъ только плечами.

— Это робкая толпа, которую надо вести чуть-ли не силою. Надо всѣмъ имъ показать, что шведы не прощаютъ.

— Они, вѣроятно, и такъ знаютъ.

Разговоръ на эту тему прекратился и никто уже болѣе не вступался за монаховъ.

Среди поляковъ, помѣщавшихся въ серединѣ шведскаго лагеря, вѣсть о смертномъ приговорѣ произвела сильное впечатлѣніе. Вернушіеся отъ Миллера полковники подтвердили справедливость переданнаго извѣстія.

И такъ уже положеніе присоединившихся къ шведамъ поляковъ было не веселое. Хотя они заранѣе отказались принимать какое-бы то ни было участие въ осадѣ Ченстохова, тѣмъ не менѣе имъ приходилось сопутствовать и быть пассивными зрителями. Цѣлые дни они проводили въ бездѣйствіи, ссорились, сваливали вину другъ на друга. Каждый изъ нихъ старался оправдать свой переходъ на сторону шведовъ. Одни уже раскаивались, другіе заглушали просыпающуюся въ нихъ совѣсть кутежами и оргіями, иные равнодушно относились ко всему, что ихъ окружало, но находились и такіе, которые открыто выражали свое неудовольствіе и чуть-ли не въ глаза проклинали шведовъ. Немногіе доброжелательно относились къ сво-

имъ союзникамъ и еще менѣе было такихъ, какъ Калининскій, открыто и тайно поддерживавшихъ шведовъ ради личныхъ выгодъ.

Въ шатрѣ Николая Карминскаго собрались поляки: Буклинскій, Трупскій и нѣкоторые другіе. Всѣ они сидѣли вокругъ разведеннаго костра, съ грустью размышляя о своемъ настоящемъ положеніи, о родинѣ и будущей ея судьбѣ, какъ вдругъ дверь раскрылась и въ шатеръ почти вбѣжали: начальникъ кавалерійскаго отряда, Кшечовскій, полковникъ Янъ Зброжекъ и Адамъ Комаровскій.

Всѣ три принадлежали къ числу тѣхъ, что присоединились къ шведамъ, благодаря давленію магнатовъ, и теперь искренно раскаивались въ своемъ поступкѣ. Кшечовскій ждалъ только удобнаго момента, чтобы оставить ненавистныхъ союзниковъ. Зброжекъ проклиналъ магнатовъ и отчаянно ругался, а Комаровскій искалъ сторонниковъ, чтобы какъ нибудь выбраться изъ этой западни. Всѣ они въ страшномъ возбужденіи скинули съ себя плащи и Зброжекъ первый воскликнулъ:

— Дождались мы наконецъ того, что Миллеръ начинаетъ вѣшать. Пока онъ таскалъ на висѣлицу разную голытьбу, а теперь уже вошелъ во вкусъ и берется за монаховъ... и шляхтичей!

— А что?—спросилъ Карминскій.

— Развѣ вы не знаете? Вѣдь Миллеръ приговорилъ къ висѣлицѣ двухъ ясногорскихъ монаховъ: Малаховскаго и Блешинскаго, которыхъ онъ захватилъ, вопреки праву, признаваемому не только среди всѣхъ христіанскихъ, но даже среди самыхъ дикихъ языческихъ народовъ, и хочетъ казнить ихъ за то, что настоятель не соглашается сдать крѣпость.

— Какъ-такъ?—почти въ одинъ голосъ спросили присутствующіе.

— Да такъ, какъ я вамъ говорю: завтра приговоръ будетъ приведенъ къ исполненію и священники погибнуть.

Услышавъ это, всѣ присутствующіе съ гнѣвомъ поднялись съ своихъ мѣстъ.

— И мы это должны терпѣть?—весь вспыхнувъ проговорилъ Зброжекъ.—Нечего сказать, въ хорошую мы попали кабалу! Но кто же въ этомъ виноватъ, какъ не мы сами? Развѣ хуже

было бы пасть въ честномъ бою со шведами, нежели помогать этимъ псамъ? Теперь же, позволивъ надѣть на себя ярмо, мы сами себѣ роємъ могилу.

И онъ въ волненіи опустился на стулъ.

Да,—продолжалъ Зброжекъ съ горечью,—вчера начали съ мужиковъ, нынче настала очередь монахамъ, а завтра, быть можетъ, намъ.... Такъ будетъ не только съ монахами, но и съ нами, съ обѣщаніями Карла Густава, съ нашими правами съ нашей страной и со всѣмъ. «Горе побѣжденнымъ», говорили древніе; но будь мы дѣйствительно побѣждены, а то нѣтъ; тутъ горе всѣмъ, что добровольно подчинились почти безъ боя.

— Но этого не можетъ быть и не должно быть,—прервалъ Комаровскій,—чтобы мы стерпѣли такое поруганіе; довольно того, что насъ запытали, заставивъ сюда придти, а теперь еще хотятъ насъ обезчестить, принуждая быть нѣмыми свидетелями преступленія, а слѣдовательно ихъ сообщниками!... Этого быть не можетъ.

Остальные въ свою очередь присоединились къ товарищамъ и выразили глубокое негодованіе. Нѣкто Стемпковскій громко воскликнулъ:

— Мы не должны позволить этого, идемъ къ Миллеру и выразимъ нашъ протестъ.

— Позвольте, господинъ Стемпковскій, — замѣтилъ Зброжекъ, протестъ здѣсь не поможетъ, мы не на засѣданіи сейма и онъ не будетъ внесенъ въ протоколъ.

— Извините,—прервалъ Комаровскій,—нашъ протестъ они обязаны принять во вниманіе; мы заявимъ генералу, что мы этого допустить не можемъ, сошлемся на охранныя грамоты, манифесты Карла Густава и постараемся доказать ему, что такими мѣрами шведы не овладѣютъ Польшей, но скорѣе потеряютъ все, что приобрѣли!... Это подлость! разбой! мы, вѣдь, не въ лѣсу!...

— Только осраимся и больше ничего,—сказалъ Зброжекъ. — Мы добровольно пошли въ неволю, такъ нечего плакаться; все это легко было предвидѣть, однако, мы пожелали лучше признать надъ собой власть иноплеменика, нежели сражаться съ нимъ. Сами надѣли на себя ярмо, такъ и надо таскать его, сто тысячъ чертей!

Всѣ умолкли и въ грустной задумчивости понурили головы.

— Позвольте, — черезъ минуту возразилъ Карминскій, — вѣдь подчиняясь Карлу-Густава, мы вовсе не отреклись отъ своихъ правъ, напротивъ, получили гарантію въ томъ, что онъ будетъ неприкосновенны, а потому, если Миллеръ предастъ позорной казни нашихъ братьевъ, ясногогорскихъ священниковъ, мы оставимъ какъ его, такъ и Карла Густава.

Зброжекъ горько улыбнулся.

— Ого! — проговорилъ онъ, — не время уже отступать. Мы заварили кашу, такъ придется ее расхлебывать. Не время! Снявши голову, по волосамъ не плачутъ.

— Какъ-такъ? всегда время! — воскликнулъ Карминскій. — Завтра всѣ пойдемъ къ генералу и смѣло скажемъ правду, пусть воюетъ, но пусть не оскорбляетъ пословъ, да къ тому еще измѣннически захваченныхъ, иначе кончится худо! Польща очнется.

— Онъ не только оскорбилъ пословъ, но и надругался надъ нами, — сказалъ Зброжекъ. — Монахи въ шведскомъ лагерѣ провели ужасную ночь. Трудно описать все то, что они перенесли, въ теченіе какихъ-нибудь нѣсколькихъ часовъ. Вотъ послѣдствія нашего присоединенія къ шведамъ, вотъ до чего мы дожили!

Карминскій схватился за саблю.

— Пойдемъ къ Миллеру, — проговорилъ онъ, — пойдемъ сейчасъ, немедленно; завтра можемъ опоздать, надо какъ можно скорѣе предотвратить преступленіе... Кто полякъ и католикъ — за мной!..

— Я не католикъ, — сказалъ Трупскій, — но такой-же полякъ, какъ и вы, и не менѣе васъ заинтересованъ въ участи нашихъ братьевъ пословъ.

— Господа! — воскликнулъ Комаровскій, — и я съ вами. Всякій, въ комъ есть еще искра чести, присоединится къ намъ.

— Всѣ идемъ! всѣ! — крикнули офицеры и шумно вышли изъ шатра, направляясь къ ставкѣ Миллера.

Была уже глубокая ночь, но генералъ еще пировалъ, когда ему доложили, что толпа поляковъ съ крикомъ идетъ къ его шатру.

— Впустить, — сказалъ онъ улыбаясь, — господъ поляковъ.

они, вѣроятно, тоже попирали и хотять у меня выпить за здоровье Карла Густава.

Дверь раскрылась и вошли поляки. По выраженію ихъ лицъ Миллеръ тотчасъ понялъ, что дѣло шло во все не о «Vivat Carolus Gustavus». Глаза прибывшихъ сверкали мрачнымъ огнемъ.

— Генераль,—началъ Адамъ Комаровскій,—мы пришли васъ спросить, правда-ли, что вы приговорили къ смертной казни двухъ ясногорскихъ монаховъ?

— Да, правда!—гордо отвѣтилъ Миллеръ.—А вы по какому праву спрашиваете меня объ этомъ?

— По праву человеколюбія и опираясь на общанія, данныя Карломъ Густавомъ,—смѣло сказалъ Комаровскій.—Они шляхтичи и наши братья, они служители той церкви, къ которой мы принадлежимъ, и которую вы общали уважать.

— Это бунтовщики!—крикнулъ генераль.

— Они послы,—прервалъ Зброжекъ,—и какъ таковые имѣютъ право на уваженіе и считаются вездѣ, у всѣхъ народовъ, неприкосновенными.

— Вы будете меня учить, что я долженъ дѣлать?!—съ гнѣвомъ воскликнулъ Миллеръ,—вы, мои подчиненные!?

И онъ вскочилъ со стула, точно хотѣлъ броситься на нихъ.

— Генераль,—проговорилъ Комаровскій,—здѣсь не ваша Швеція, мы составляемъ не ваше шведское, а отдѣльное дворянское войско, являемся не только воинами, но и представителями народа, а потому имѣемъ право спросить: что вы дѣлаете, такъ какъ вы нашъ вождь только на полѣ битвы. Помните, что если вы посягнете на жизнь ясногорскихъ монаховъ, мы всё оставимъ васъ.

— Вы дали клятву!..—съ изумленіемъ сказалъ генераль.

— Скорѣе по принужденію, чѣмъ добровольно... А вы развѣ сами не нарушаете присяги, не нарушаете слова, даннаго Карломъ Густавомъ, который торжественно общалъ относиться съ уваженіемъ къ нашимъ правамъ? У насъ законъ не разрѣшаетъ свѣтской власти судить священниковъ.

Миллеръ разсердился и крикнулъ:

— Такъ вы только за этимъ пришли ко мнѣ!?

— Именно за этимъ, и заявляемъ вамъ, что мы не позволимъ повѣсить монаховъ, хотя-бы намъ для этого пришлось

вступить съ вами въ бой! — рѣшительно сказалъ Комаровскій. — предавъ казни пословъ, вы погубите все дѣло вашего короля и, повѣрьте, что въ другой разъ никто изъ насъ не присоединится къ Карлу Густаву. Мы не невольники, но ваши союзники.

Высказавъ это, Комаровскій, даже не простившись, вышелъ, а за нимъ послѣдовали его товарищи. Миллеръ засмѣялся, но смѣхъ его былъ горькій; онъ понялъ, что хватилъ черезъ край, но ему стыдно было сознаться и отступить.

Послѣ ухода поляковъ, князь Гесскій тихо замѣтилъ:

— А что, генераль? Затѣяли вы исторію и теперь неизвѣстно, чѣмъ это кончится.

— Кончится тѣмъ, что повѣшу монаховъ, — возразилъ упрямый шведъ, — какъ я сказалъ, такъ и будетъ.

— Не повѣсите ихъ, — промолвилъ князь Гесскій, — такъ какъ казнь монаховъ чрезвычайно повредила-бы нашему общему дѣлу. Совѣтую вамъ замять эту исторію и какъ-нибудь выпутаться изъ щекотливаго и непріятнаго положенія.

— И не подумаю отступить. Поляковъ не боюсь; у нихъ все только на языкѣ, — съ гнѣвомъ возразилъ генераль, — я уже знаю этихъ крикуновъ; говорить они будутъ много, но вскорѣ поссорятся и въ концѣ концовъ ничего не сдѣлаютъ.

— Ну, не всегда такъ бываетъ, — проронилъ Садовскій, — иногда не только кричать, но и бьютъ и даже хорошо бьютъ.

— Но разъ вы всё такого мнѣнія, что поповъ надо освободить, а поляковъ не слѣдуетъ раздражать, такъ почему же никто изъ васъ раньше мнѣ объ этомъ не говорилъ? Вейгардъ первый посовѣтовалъ мнѣ подписать смертный приговоръ монахамъ и увѣрилъ, что это самый лучшій способъ воздѣйствія на осажденныхъ.

Князь Гесскій, который, равно какъ и многіе другіе, терпѣть не могъ Вейгарда, презрительно пожалъ плечами.

— Генераль, вы, кажется, имѣли достаточно времени, чтобы убѣдиться, чего стоятъ совѣты графа.

— Я не могу уступить, — воскликнулъ Миллеръ, мысленно уже перебирая всё способы для выхода изъ неловкаго положенія. — Поляки пошумятъ немного и успокоятся, какъ всегда.

— Это случается, — замѣтилъ одинъ изъ полковниковъ, —

тѣмъ не менѣе ссориться съ ними и безъ надобности раздражать ихъ — неполитично...

— Если вѣсть о смертномъ приговорѣ, — добавилъ Садовскій, — разнесется по странѣ, а ее постараются разнести недовольные, весь народъ можетъ ополчиться на васъ, да уже эта несчастная осада не мало повредила дѣлу Карла Густава, а что-же будетъ, когда узнаютъ про исторію съ монахами? Со времени нашего прихода къ Ченстохову, отношеніе поляковъ къ намъ значительно измѣнилось къ худшему... Богъ знаетъ, какія послѣдствія можетъ имѣть это опасное рѣшеніе.

— Но какъ же вы хотите, чтобы я такъ внезапно отмѣнилъ свое распоряженіе. Совѣтуйте, наконецъ.

Но никто не смѣшилъ съ совѣтомъ. Миллеръ, очевидно, въ замѣшательствѣ, началъ ходить взадъ и впередъ, а полковники постепенно, одинъ за другимъ, удалились изъ шатра.

На другой день, утромъ, генераль былъ очень озабоченъ. Мнѣнія, высказанныя нѣкоторыми изъ его товарищей, произвели свое дѣйствіе, но вопросъ заключался въ томъ, какъ выпутаться изъ опрометчиво созданнаго положенія.

Согласно приказу, какъ разъ противъ самаго монастыря строилась огромная висѣлица, видъ которой, разумѣется, не могъ не производить тягостнаго впечатлѣнія на осажденныхъ.

Къ Миллеру явился офицеръ съ докладомъ. Генераль велѣлъ нѣкоторымъ изъ командировъ отдѣльныхъ частей посматрѣть, что дѣлаютъ поляки. Весь польскій отрядъ былъ уже подъ ружьемъ, въ полной боевой готовности, и молча, казалося, чего-то выжидалъ.

Шведы смотрѣли на поляковъ, спрашивали ихъ, но не получали никакого отвѣта. Впереди разбѣжжали начальники въ пламахъ и блестящихъ доспѣхахъ, съ обнаженными саблями въ рукахъ. Миллеръ поколебался и сталъ значительно мягче, тѣмъ не менѣе отправилъ въ монастырь парламентаря съ требованіемъ сдаться, но опять получилъ отвѣтъ, что пока не будутъ освобождены послы, до тѣхъ поръ переговоры не возобновятся.

Генераль подумалъ-подумалъ и велѣлъ отложить исполненіе приговора. Теперь для всѣхъ было очевидно, что монахи дѣло выиграли.

Миллеръ вчерашній приговоръ старался обратить въ шутку, и, скрывая собственное безпокойство, смѣялся надъ возбужденной имъ тревогой. Около полудня онъ даже послалъ къ монахамъ Куклиновскаго съ порученіемъ пригласить ихъ къ обѣду, но Малаховскій, удивляясь такой перемѣнѣ, серьезно сказалъ:

— Преступники, осужденные на смертную казнь недостойны сидѣть за однимъ столомъ съ шведскимъ генераломъ.

— Какъ? вы не пойдете?

— Не поидемъ, — отвѣтили оба монаха.

Миллеръ, услышавъ такой отвѣтъ, махнулъ рукой, и, узнавъ, что поляки немного успокоились, приказалъ подать обѣду. Въ этотъ день никто къ нему изъ поляковъ не пришелъ, кромѣ вѣрнаго Калининскаго. Обѣдъ прошелъ скучно, никто не говорилъ о священникахъ, о приговорѣ, о полякахъ; бесѣда велась о постороннихъ предметахъ, и гости немного оживились лишь тогда, когда началась попойка и игра въ кости.

Отуманенные винными парами, они вскорѣ забыли взволновавшее ихъ минутное безпокойство.

Х.

Въ теченіе этого дня, какъ и въ предыдущіе дни переговоровъ о задержанныхъ послахъ, шведы хотя не сдѣлали ни одного орудіянаго выстрѣла, тѣмъ не менѣе все болѣе подступали къ ясногорскимъ укрѣпленіямъ, плотною цѣпью окружая гору. Часто къ самымъ стѣнамъ подъѣзжали всадники и раздражали осажденныхъ неприличными шутками, насмѣшками, грубыми бранными словами, пользуясь тѣмъ, что Ченстоховскіе защитники ради спасенія своихъ пословъ не рѣшались открыть огонь.

Чарнецкій старался, какъ можно рѣже быть въ укрѣпленіи, такъ какъ не могъ равнодушно смотрѣть на вызывающіе дѣйствія непріятелей.

Замоискій тоже былъ внѣ себя отъ гнѣва; весь гарнизонъ и даже монахи чувствовали неудержимое желаніе вступить со шведами въ бой. Видъ поставленной недалеко отъ крѣпостныхъ

стѣнъ висѣлицы, назначеніе которой было извѣстно осажденнымъ, еще болѣе раздражалъ ихъ и возбуждалъ жажду мести.

Но вотъ изъ мѣстечка дали знать въ монастырь, что исполненіе смертнаго приговора отложено, и вскорѣ отъ шведовъ прибылъ посолъ съ требованіемъ сдаться.

Кордецкій, какъ извѣстно уже читателямъ, отвѣтилъ, что переговоры о капитуляціи могутъ возобновиться только лишь послѣ освобожденія пословъ. Онъ понялъ, что если бы непріатели могли безъ труда взять крѣпость, то не прибѣгали-бы къ разнымъ уловкамъ и такъ упорно не настаивали-бы на переговорахъ.

Вскорѣ осажденнымъ стало извѣстно о возникшей между шведами и поляками ссорѣ и теперь было очевидно, что жизни пословъ не угрожаетъ опасность.

Оставалось только внимательно слѣдить за дѣйствіями непріателей и терпѣливо ждать, что будетъ дальше.

Послѣ полудня Чарнецкій, которому надоѣло сидѣть въ своей кельѣ, отправился въ укрѣпленіе, чтобы немного, какъ онъ говорилъ, провѣтриться. Военственный шляхтичъ, прогуливаясь взадъ и впередъ, какъ-то незамѣтно поднялся на стѣны, и, встрѣтившись тамъ съ своимъ братомъ, отцомъ Людвигомъ, подошелъ съ нимъ къ одной изъ сторожевыхъ башенъ, откуда открывался видъ на весь непріательскій лагерь. Но не успѣли братья разговориться, какъ почти къ самому крѣпостному рву подошли шведскіе солдаты, и, какъ бы шутя, начали одиночную пальбу изъ мушкетовъ по время отъ времени выглядывавшимъ изъ амбразуръ осажденнымъ.

Нѣсколько польскихъ ренегатовъ начали коншунствовать и распѣвать еретическія пѣсни.

Наконецъ какой-то пьяный шведскій солдатъ подошелъ къ той башнѣ, у которой стоялъ Чарнецкій, и, прицѣлившись изъ мушкета, выстрѣлилъ. Пуля прожужжало мимо самага уха шляхтича. Разъяренные ясногорцы не выдержали и открыли по непріателю пушечный огонь. Шведы, неожиданные такого сюрприза, въ паникѣ обратились въ бѣгство и разсѣялись по всей горѣ. Кордецкій и Замойскій, услышавъ внезапную пальбу, поспѣшили въ укрѣпленіе.

— Что это такое? — съ безпокойствомъ воскликнулъ настоятель, — вѣдь у насъ перемиріе! Ради Бога! что вы дѣлаете?

— Да! хорошее перемиріе!—крикнулъ одинъ изъ пушкарей,—не мы, а каналы шведы нарушили его. Какой-то мерзавецъ изъ ихней шайки первый пустилъ пулю въ господина Чарнецкаго, такъ намъ что-ли смотрѣть имъ въ зубы и позволять безнаказанно подстрѣливать себя, какъ зайцевъ?

Дѣлать было нечего и пришлось примириться съ совершившимся фактомъ. Лишь только раздались первые выстрѣлы, какъ въ ту-же минуту, точно по данному сигналу, начался бѣглый огонь по всей оборонительной линіи. Чарнецкій былъ въ восторгѣ и съ поразительнымъ въ его почтенномъ возрастѣ увлеченіемъ руководилъ пальбой.

Шведы, которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней не беспокоили ченстоховскія пушки, теперь внезапно поражаемые выстрѣлами, чрезвычайно переполошились и стали поспѣшно отступать къ подножію горы. Слышались призывные звуки трубъ, бой барабановъ и беспорядочный одиночный трескъ ружейныхъ выстрѣловъ, да время отъ времени запоздавшая неуверенная орудійная пальба изъ недавно построенныхъ редутовъ. Гранаты и ядра ясногорцевъ, точно отдохнувъ во время перемирія, съ необыкновенной силой сметали цѣлые ряды шведовъ, разбивали ихъ шатры, бараки; между прочимъ, одна изъ бомбъ попала въ только что построенную висѣлицу и опрокинула ее. Нѣкоторые удачно брошенные снаряды смѣшали первыя шеренги поспѣшно строившейся пѣхоты и принудили ее значительно податься назадъ. Гранаты, одна за другой, пронизывали непріятельскій авангардъ и, разрываясь съ оглушительнымъ трескомъ, вносили страшное опустошеніе въ его ряды, мѣшая разсыпаться въ цѣпь. Иныя ядра врѣзывались въ брустверъ редутовъ, и, взрывъ землю, окутывали стоящихъ возлѣ пушекъ артиллеристовъ цѣлымъ облакомъ пыли, препятствуя стрѣльбѣ.

Миллеръ въ началѣ бомбардировки, по обыкновенію, разсвирѣпѣлъ и тотчасъ хотѣлъ было повѣсить монаховъ, но отрядъ союзныхъ поляковъ приготовился къ бою и ждалъ только повода, чтобы съ фланга кинуться на шведовъ. Въ лагерь произошла суматоха, слова команды перемѣшивались съ криками, бранью и проклятьями. По всѣмъ направленіямъ мчались ординарцы съ приказаніями, горнисты играли сборъ, войска поспѣшно стягивались на прежнюю позицію.

Чарнецкій былъ доволенъ, весель и чувствовалъ себя въ бою, какъ рыба въ водѣ.

Замойскій сдерживалъ его только для формы, настоятель молчалъ. Наконецъ, когда непріатели очистили гору, Кордецкій велѣлъ прекратить огонь и послалъ письмо Миллеру, въ которомъ объяснилъ причину прекращенія перемирія.

— «Вы захватываете пословъ, — писалъ настоятель, — измѣнически нарушаете перемиріе, ночью тайкомъ подходите къ стѣнамъ съ намѣреніемъ ворваться въ крѣпость, вопреки данному намъ обѣщанію, а потому, можемъ-ли мы при такихъ условіяхъ вести съ вами переговоры. Можемъ-ли мы быть увѣрены въ томъ, что въ случаѣ сдачи монастыря вы тотчасъ не нарушите заключеннаго съ нами договора, когда вы попираете все, что освящено обычаемъ и законами? Переговоры возможны лишь съ людьми, которые по рыцарски относятся къ непріятелю, а не съ такими, которые ведутъ себя хуже турокъ и монголовъ?»

Миллеръ, прочитавъ это далеко не любезное письмо, невольно поморщился и тотчасъ приказалъ привести къ себѣ того, кто первый началъ стрѣльбу. Вскорѣ къ нему привели виновнаго рейтара, и генералъ немедленно велѣлъ его подвергнуть наказанію. Миллеръ начиналъ сознавать, что дѣйствія его приносятъ дурные плоды. Монахи заставили шведовъ очистить гору, и послѣдніе, спустившись въ долину, всю ночь провели въ тревогѣ, ожидая внезапной вылазки. Генералъ долго раздумывалъ надъ созданнымъ положеніемъ и наконецъ созвалъ на совѣтъ всѣхъ старшихъ офицеровъ, исключая Вейгарда, котораго онъ, по обыкновенію считалъ виновникомъ всѣхъ бѣдъ и злоключеній. Приходилось сознаться, что дѣла идутъ далеко не хорошо. Изъ главнаго экспедиціоннаго корпуса до сихъ поръ не доставили дальнобойныхъ крѣпостныхъ орудій, а между тѣмъ необходимость въ нихъ ощущалась съ каждымъ днемъ; затѣмъ переговоры и угрозы не принесли никакой пользы, а потому слѣдовало придумать другія средства. Теперь не могло быть и рѣчи о повѣшеніи, и Садовскій, пользуясь настроеніемъ Миллера и тѣмъ неудобнымъ положеніемъ, въ какое онъ попалъ, посоветовалъ освободить задержанныхъ монаховъ.

— Такимъ поступкомъ вы выиграете, — сказалъ онъ, — гораз-

до болѣе, нежели угрозами. Осажденные боятся жестокости шведовъ и вотъ эта боязнь является главнымъ препятствіемъ къ сдачѣ. Относитесь къ нимъ человѣколюбиво, выкажите себя передъ ними въ роли настоящаго союзника, и этимъ вы пріобрѣтете ихъ расположеніе; повѣрьте, что тогда какъ гарнизонъ, такъ и монахи перестанутъ сопротивляться.

Князь Гесскій былъ того-же мнѣнія, но внезапно и безъ приглашенія явившійся Вейгардъ возсталъ противъ этого. Къ счастью, Миллеръ относился недовѣрчиво къ графу и его возраженія побудили генерала поступить какъ разъ наоборотъ. Кончилось тѣмъ, что рѣшено было отпустить монаховъ.

Вейгардъ, услышавъ рѣшеніе, громко воскликнулъ:

— Генераль, вы губите все дѣло!

— Я не нуждаюсь въ вашихъ совѣтахъ, — гордо возразилъ шведъ, — мнѣ уже они надобли.

Графъ покраснѣлъ и удалился, тѣмъ не менѣе не замедлилъ послать Калининскаго, чтобы съ помощью его прослѣдить, чѣмъ все это кончится.

Тѣмъ временемъ священники Блешинскій и Малаховскій, совершенно не подозрѣвая, что въ эту минуту рѣшается ихъ участь, находились въ шведскомъ лагерѣ подъ стражей и готовились къ смерти. Окружавшіе ихъ солдаты мѣшали имъ молиться и, по обыкновенію, издѣвались надъ несчастными плѣнными. Приглашеніе генерала пожаловать къ нему на обѣдъ монахи сочли только насмѣшкой и покорно ждали исполненія смертнаго приговора. Шагавшій возлѣ нихъ часовой, не понимая величія души этихъ мужественныхъ людей, такъ безстрашно готовившихся къ преждевременной смерти, грубо оскорблялъ какъ ихъ человѣческое достоинство, такъ и религіозное чувство. Монахи, однако, переносили всѣ наносимыя обиды съ христіанскимъ героическимъ смиреніемъ и спокойствіемъ.

Но вотъ къ плѣннымъ священникамъ подошелъ Садовскій. Тѣ въ первую минуту подумали, что онъ пришелъ вести ихъ на казнь, и, набожно перекрестившись, взглянули на монастырь, точно прощаясь съ нимъ. Блешинскій даже сталъ на колѣни и началъ молиться.

— Мнѣ очень пріятно, — по-польски обратился къ нимъ Садовскій, — сообщить вамъ добрую вѣсть.

— Не насмѣхайтесь надъ нами, — воскликнулъ Малаховскій, — это не подобаетъ рыцарямъ; отнимите у насъ жизнь, но перестаньте мучить душу, ибо такая мука гораздо хуже смерти.

— Я вовсе не насмѣхаюсь, — ласково сказалъ Садовскій, — и повторяю вамъ совершенно серьезно, что вы свободны.

— Свободны? — какъ бы съ недоумѣемъ спросили монахи, — неужели?

— Да! Генералъ Миллеръ прощаетъ вамъ ваши переговоры, которые въ дѣйствительности были только насмѣшкой, и ваше упорство. Идите и скажите Кордецкому, чтобы онъ опомнился и сдалъ монастырь. Онъ поручилъ мнѣ передать эти слова; надѣюсь, вы сознаете, что дальнѣйшее сопротивленіе бесполезно, а потому, зачѣмъ же раздражать непріятеля, который во много разъ сильнѣе находящагося въ замкѣ гарнизона? Будьте благоразумны и примиритесь, быть можетъ, съ печальной для васъ, но тѣмъ не менѣе существующей дѣйствительностью.

Но лишь только онъ возвѣстилъ имъ о свободѣ, какъ монахи почти не слушали его болѣе и торопились поскорѣе уйти, чтобы шведъ не раздумалъ и не отмѣнилъ своего приказа. Они точно ожили, быстро простились съ Садовскимъ, и, поднявъ капюшоны, поспѣшно направились къ Ясной Горѣ, провожаемые любопытными взглядами непріятельскихъ солдатъ. Монахамъ пришлось идти мимо опрокинутой ядромъ висѣлицы. Они подошли къ ней и взяли по щепкѣ на память о счастливо миновавшей опасности. Съ высоты своихъ стѣнъ ясногорцы уже замѣтили священниковъ и радостными возгласами привѣтствовали возвращеніе своихъ пословъ. Кордецкій издали благословлялъ ихъ и возносилъ благодарственную молитву за чудесное спасеніе.

Братъ Павелъ въ это время чинилъ какую-то рясу (въ часы досуга это было его обыкновенное занятіе, такъ какъ онъ обшивалъ всѣхъ отцовъ). Увидѣвъ монаховъ, онъ бросилъ ее на землю, побѣждалъ къ потайной двери, и, открывъ ее, со слезами обнялъ прибывшихъ. Въ монастырѣ священниковъ принимали какъ мучениковъ и героевъ. Выбѣжавшіе имъ на встрѣчу ченстоховскіе защитники привѣтствовали мужественныхъ пословъ долго не смолкавшими аплодисментами. Всѣ

были охвачены радостнымъ волненіемъ, даже простые солдаты протискивались сквозь толпу, чтобы пожать вернувшимся монахамъ руки и поздравить ихъ съ благополучнымъ исходомъ. Трогательно было видѣть этихъ суровыхъ воиновъ, такъ просто и такъ искренно выражавшихъ волновавшія ихъ чувства. Священники были отчасти смущены сыпавшимися на нихъ со всѣхъ сторонъ похвалами ихъ мужеству, терпѣнію и самоотверженности.

Настоятель принялъ пословъ, какъ отецъ и братъ, и благодарилъ Бога за то, что вернулъ ихъ здоровыми и невредимыми, окруженными ореоломъ мученичества.

— Не говорите мнѣ только ничего, — промолвилъ онъ, — о могуществѣ шведовъ и о сдачѣ; предоставьте совѣты и уговоры полковнику Калинскому и ему подобнымъ; пойдемъ лучше молиться передъ образомъ нашей великой Заступницы.

Это было всегда первой и послѣдней мыслью Бордецкого.

Всѣ собравшіеся, вмѣстѣ съ возвратившимися монахами, отправились въ часовню, гдѣ произошло благодарственное молебствіе, закончившееся торжественнымъ гимномъ передъ чудотворнымъ образомъ Богоматери.

Послѣ этого священники и многіе шляхтичи прошли въ монастырь, и, расположившись въ одной изъ залъ, съ напряженнымъ вниманіемъ слушали рассказъ монаховъ о пребываніи ихъ въ шведскомъ лагерѣ и о всѣхъ перенесенныхъ ими страданіяхъ.

Въ своемъ повѣствованіи священники наряду съ мрачными картинами невольно описывали могущество шведовъ, ихъ прекрасную дисциплинированную армію, ихъ храбрость, выдержку и настойчивость.

Замойскій, увидя что это описаніе на нѣкоторыхъ изъ присутствующихъ произвело довольно сильное впечатлѣніе, началъ хмуриться. Настоятель понялъ его, и, взявъ за руку Малаховскаго, тихо шепнулъ ему на ухо:

— Оставьте уже въ покоѣ пресловутое шведское могущество и отправляйтесь-ка лучше спать, послѣ столькихъ перенесенныхъ мытарствъ, сонъ вамъ болѣе чѣмъ необходимъ.

XI.

На другой день, послѣ освобожденія монаховъ, непріатели неоднократно посылали въ монастырь парламентаревъ, которые каждый разъ напоминали осажденнымъ объ оказанной имъ милости (такъ называли шведы помилованіе измѣннически захваченныхъ ими пословъ) и требовали скорѣйшей капитуляціи. Всѣмъ парламентамъ отвѣчали, что по поводу предложеній генерала Миллера назначено совѣщаніе, о результатахъ какового будетъ своевременно сообщено. Кордецкій старался выиграть какъ можно больше времени въ надеждѣ, что откуда-нибудь придетъ поддержаніе или по крайней мѣрѣ приближающіеся холода сдѣлаютъ положеніе шведовъ болѣе затруднительнымъ и заставятъ снять осаду. Замойскій былъ того же мнѣнія, одинъ Чарнецкій находилъ переговоры излишними, но, почти ничѣмъ не поддерживаемый, принужденъ былъ молчать. Послѣ полудня настоятель отправилъ къ Миллеру гонца съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ его пропустить къ Карлу-Густаву двухъ монаховъ, съ цѣлью выхлопотать у короля болѣе выгодныя условія капитуляціи.

Генераль, усмотрѣвъ въ этой просьбѣ новую хитрость, направленную къ тому, чтобы продлить перемиріе, отвѣтилъ категорическимъ отказомъ. Онъ заявилъ, что его полномочія вполне достаточны для веденія переговоровъ и что онъ обязуется выработанныя и принятыя обѣими сторонами условія капитуляціи послать къ королю для ратификаціи, а затѣмъ вручить имъ. Воспользовавшись предлогомъ, Миллеръ отправилъ въ монастырь Калинского, который, по обыкновенію, игралъ роль вѣрнаго католика, неустанно заботящагося о цѣлости и безопасности древней народной святыни.

Настоятель всегда старался вести переговоры при свидѣтеляхъ, а потому немедленно пригласилъ полковника въ *definitorium*, гдѣ уже собрались шляхтичи и монахи. Калинскій сегодня держалъ себя болѣе гордо, чѣмъ когда бы то ни было, и съ важностью сѣвъ въ кресло, началъ свою рѣчь, пользуясь излюбленными аргументами.

— Это безуміе! — говорилъ онъ, — это какое-то навожденіе.

Благодаря снисходительности Миллера, вы сопротивляетесь долѣе Кракова, несмотря на то, что у васъ въ распоряженіи самый ничтожный гарнизонъ. Не пора-ли, однако, кончить игру? Позабавились немного и довольно. Неужели вы еще ожидаете подкрѣпленій? Интересно бы знать отъ кого? Не отъ татарскаго-ли хана?—и полковникъ иронически засмѣялся.—Денгоффъ и Вольфъ въ рукахъ шведовъ, они одни могли къ вамъ придти на помощь; вся Польша подчинилась Карлу-Густаву; войско кievскаго каштеляна разсѣяно, орудія захвачены, солдаты пали духомъ! Генераль единственно для вашего блага соглашается вести переговоры, но какъ только, говорю вамъ это по дружбѣ, изъ экспедиціоннаго корпуса пришлютъ ему дальнѣйшія орудія, всѣмъ этимъ разговорамъ о капитуляціи будетъ конецъ и вы окажетесь въ отчаянномъ положеніи. Неужели вы надѣетесь дать отпоръ всюду побѣдоноснымъ шведамъ, неужели вы думаете, что столь сильный и опытный непріятель съ позоромъ отступить? Можетъ ли это быть? И неужели вы такъ самонадѣяны?..

— Господинъ полковникъ,—возразилъ Замойскій,—Польша еще не погибла, она скоро очнется и сброситъ иго иноплеменниковъ.

Услышавъ эти слова, Калининскій накинута на Замойскаго и дерзко замѣтилъ:

— Милостивый государь! здѣсь у насъ не сеймъ, а потому нечего щеголять трескучими фразами и на словахъ совершать необыкновенные подвиги. Мы также поляки, неменѣе васъ заботимся о ея судьбѣ и однако мы добровольно отдались подъ покровительство Карла-Густава, такъ какъ въ немъ одномъ видимъ наше спасеніе. Бросьте ваши безусловно гибельные совѣты, которыми только смущаете почтенныхъ, но легковѣрныхъ монаховъ. Развѣ вы въ состояніи исправить и возстановить все то, что шведы разрушаютъ и уничтожаютъ при взятіи монастыря? Вся мѣстность, прилегающая къ Ченстохову, уже опустошена на нѣсколько миль въ окружности. Можете-ли вы собственными силами дать отпоръ непріятелю? Меня удивляетъ и даже поражаетъ такое непростительное легкомысліе въ особенности потому, что здѣсь дѣло идетъ не о какихъ-нибудь пустякахъ, а объ участи нашей древней народной свя-

твни и о жизни столькихъ достойныхъ людей, которые, не смотря на свой санъ, возрастъ, общественное положеніе, неминуемо погибнуть и благородная кровь ихъ прольется безплодно въ жертву тщеславію гордыхъ, но близорукихъ людей. Слушайте, — закончилъ полковникъ, обращаясь къ монахамъ, — совѣтовъ другихъ, почтенныхъ лицъ, а не господина Замойскаго, ослѣпленнаго узкимъ честолюбіемъ, но совѣщайтесь скорѣе и кончайте сегодня, потому что завтра, по всей вѣроятности, будетъ уже поздно.

— Господинъ Калининскій! — съ яростью крикнулъ Замойскій, схватившись за саблю, но настоятель въ ту же минуту удержалъ его за руку и поспѣшно прервалъ шляхтича.

— Все то, что вы говорите, мы знаемъ давно; имѣйте однако въ виду, что къ совѣтамъ господина Замойскаго мы относимся съ большимъ уваженіемъ, но болѣе всего внемлемъ указаніямъ Бога и Пресвятой Дѣвы, а потому, если вамъ угодно, обратитесь съ своими выговорами къ Нимъ, какъ главнѣйшимъ нашимъ руководителямъ; что-же касается нашего блага, то напрасно беспокойтесь, предоставьте намъ самимъ судить, что полезно, а что вредно.

Полковникъ былъ нѣсколько озадаченъ такими словами, но вскорѣ, оправившись, сказалъ.

— Въ такомъ случаѣ, какъ вамъ угодно. Вы закрываете глаза передъ дѣйствительностью или не желаете признавать ея, тѣмъ не менѣе она скоро напомнитъ вамъ о себѣ. Дѣлайте, какъ знаете; я честно исполнилъ свой долгъ и теперь умываю руки...

— Не умывайте рукъ, какъ Пилать, — промолвилъ Замойскій, — чтобы, подобно ему, не оказаться виновнымъ въ пролитой крови.

Услышавъ это, полковникъ хотѣлъ было уже сцѣпиться съ Замойскимъ, какъ внезапно дверь раскрылась и въ *definitorium* вошелъ братъ Павелъ съ какимъ-то раскрытымъ письмомъ; Калининскій проворно выхватилъ его изъ рукъ монаха и, мигомъ пробѣжавъ первыя строки, торжествуя воскликнулъ:

— Вотъ вамъ письмо отъ самого Виттенберга.

Дѣйствительно это было письмо отъ главнаго начальника шведскихъ войскъ, который требовалъ немедленной сдачи мо-

настыря, угрожалъ непокорнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ ручался, что шведы ничего дурного не замышляютъ противъ Ченстохова и не причинять ему никакого вреда.

Кордецкій прочиталъ и на минуту задумался; затѣмъ, повернувшись къ Калинскому, медленно проговорилъ:

— Я вѣдь давно желалъ войти въ переговоры. Но кто-же виновать, если не Миллеръ, который ихъ прервалъ своими варварскими поступками?

— А кто его раздражилъ?— спросилъ полковникъ.

— Должно быть, наше смиреніе,— замѣтилъ настоятель.

— Скажите лучше: ваши хитрости и уловки...

— Господинъ полковникъ, не забывайте! — съ гнѣвомъ воскликнулъ Замоискій.—Хитрость и коварство присущи шведамъ, да ихъ сторонникамъ и прихвостнямъ.

Калинскій сверкнулъ глазами, и, вставъ съ кресла, сказалъ:

— Я вижу, что мнѣ не зачѣмъ здѣсь оставаться; дѣлайте, какъ вамъ угодно, но запомните, что Миллеръ не проститъ побѣжденнымъ, а что онъ побѣдитъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Прощайте!

Лишь только полковникъ вышелъ, какъ въ залѣ начались оживленныя пренія. Болѣе робкіе подъ впечатлѣніемъ письма отъ генерала Виттенберга уговаривали настоятеля начать переговоры. Онъ переглянулся съ Замоискимъ и промолвилъ:

— Хорошо, пусть будетъ по вашему, но неужели вы желаете, чтобы ради вашего спасенія я впустилъ лютеранъ, кальвинистовъ и такихъ католиковъ, что, быть можетъ, хуже самихъ еретиковъ.

— Да сохранить насъ Богъ отъ такого несчастья!

— Неужели вы хотите, чтобы наши святыя алтари были обезпечены и запятнаны врагами-иновѣрцами?

Всѣ разомъ умолкли.

— Я тоже жажду мира и согласія, но могу-ли я подобно Іудѣ Искаріоту, предавшему Христа за тридцать серебряниковъ, предать нашу древнюю святыню ради жалкаго спокойствія? Подобаешь-ли намъ, Христовымъ воинамъ, быть столь малодушными и предать Бога и это святое мѣсто, въ которомъ Всемогуцій оказалъ столько милостей, къ которому нашъ

народъ прибѣгалъ въ теченіе многихъ поколѣній во дни печали, горестей и бѣдствій?

Въ залѣ царило глубокое молчаніе.

— Успокойтесь-же дѣти, — закончилъ настоятель. — Я войду въ переговоры, сдѣлаю все, что возможно, сдѣлаю все, что разрѣшаетъ совѣсть.

Сказавъ это, Кордецкій ушелъ въ свою келью писать письмо къ Миллеру.

Тѣмъ временемъ Калининскій съ торжествующимъ видомъ пріѣхалъ въ лагерь, и тотчасъ отправился къ Вейгарду, которой ужъ съ нетерпѣніемъ его ожидалъ.

— Ну что, полковникъ? какъ дѣла?.. — съ любопытствомъ спросилъ графъ.

— Да то, что я здорово намылилъ голову монахамъ, — весело смѣясь, отвѣтилъ посолъ. — Я хорошо выругалъ Замойскаго, потому что онъ тамъ является главнымъ совѣтникомъ и заправилой и вообще такъ ихъ всѣхъ напугалъ, что навѣрно къ вечеру сдадутся.

Вейгардъ, зная самохвальство Калининскаго, незамѣтно пожалъ плечами.

— А парламентареры? — спросилъ графъ.

— По всей вѣроятности, сейчасъ придутъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? вы не шутите?

— Развѣ я васъ когда-нибудь обманывалъ? — сказалъ нѣсколько обиженный Калининскій. — Почтенныеотцы испуганы, голодны, еле дышутъ; одинъ только Замойскій готовъ сражаться, да и то съ отчаянія, такъ какъ хорошо знаетъ, что попадись онъ въ руки шведовъ, ему не сдобровать. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ нимъ церемониться не станутъ; безъ разговоровъ его свяжутъ и выдадутъ намъ, а сами будутъ просить мира.

— Вы такъ думаете?

— Вполнѣ увѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемъ къ Миллеру и обрадуемъ его пріятной вѣстью.

Они вскочили на коней и поѣхали къ генералу.

Почти въ тоже самое время пришло письмо отъ Кордецкаго. Калининскій, въ полной увѣренности, что въ немъ настоя-

тель просить мира, торжествующе поглядѣлъ на генерала, какъ-бы желая сказать:

— А что! недурно я повелѣ дѣло?

Вскорѣ, однако, браваго полковника постигло разочарованіе.

Миллеръ вскрылъ письмо, быстро прочелъ его и съ досадою кинулъ на столъ.

— Снова какія-то штуки, снова проволоочки!

— Неужели они послѣ того, что я имъ говорилъ, продолжаютъ упорствовать?—замѣтилъ Калининъ. — Вѣдь почтенные отцы, казалось, вполне согласились съ моими доводами.

— Меня чрезвычайно удивляетъ это упрямство, — сказалъ генералъ, — неужели они еще на что-то надѣются, неужели они не сознаютъ своего положенія?

— Сто разъ мы имъ объясняли...

— Не вѣрятъ!

Миллеръ задумался.

— Вотъ прочитайте сами, — сказалъ онъ черезъ минуту. — Монахи отвѣчаютъ, что у нихъ есть свой гарнизонъ, вполне достаточный для защиты монастыря и въ подкрѣпленіи отъ насъ не нуждаются, точно я спрашиваю ихъ мнѣнія? Хитрецы! А конецъ письма еще лучше, — добавилъ онъ съ кислой улыбкой. — «Мы не можемъ впустить не только васъ, какъ инновѣрцевъ, но даже и католиковъ, находящихся съ вами въ союзъ, такъ какъ, поднявъ оружіе на эту святыню, они стали недостойными нашей великой церкви». Какъ вамъ это нравится, господа? Обычная уловка папистовъ — прикрыться святостью. Но довольно шутокъ, довольно! Завтра мы будемъ штурмовать монастырь...

Генералъ немедленно пригласилъ къ себѣ старшихъ офицеровъ и заявилъ имъ, что завтра возобновятся военныя дѣйствія. Послѣ короткаго совѣщанія, рѣшено было на зарѣ идти на штурмъ.

Калининъ и Вейгардъ далеко не въ веселомъ расположеніи духа отправились къ своимъ частямъ.

XII.

На слѣдующій день шведы начали подступать къ монастырю. Отряды ихъ плавно двигались въ разныхъ направленьяхъ, окружая гору со всѣхъ сторонъ. Авангардъ разсыпался въ цѣпь и началась довольно оживленная перестрѣлка изъ мушкетовъ и пищалей. Обороняющіеся отвѣчали дружными залпами, не прибѣгая еще къ пушкамъ. Чарнецкій энергично распоряжался на своемъ посту, веселыми шутками подбадривая своихъ солдатъ, которые охотно исполняли всѣ его приказанія, такъ какъ за время осады успѣли полюбить этого добродушнаго, мужественнаго человѣка, переносившаго всѣ трудности и лишенія боевой жизни съ замѣчательной стойкостью.

Затѣтивъ, что непріатели, не смущаясь ружейными выстрѣлами, подступаютъ все ближе и ближе, Чарнецкій, по предварительному соглашенію съ настоятелемъ, приказалъ открыть по шведамъ пушечный огонь. Фитили уже горѣли и черезъ минуту по всей оборонительной линіи раздался оглушительный громъ орудій. Вскорѣ загремѣли шведскіе редуты, и началась ожесточенная кононада. Всю гору заволокло пороховымъ дымомъ и монастырь казался теперь висающимъ въ облакахъ. Въ крѣпостныхъ амбразурахъ поминутно вспыхивали огоньки и вслѣдъ за ними слышался глухой раскатистый грохотъ. Поспѣшно перебѣгающіе въ цѣпи непріательскіе солдаты казались какими-то тѣнями, движущимися въ легкомъ бѣловатомъ туманѣ. Плавно колеблющіяся волны этого тумана подымались все выше и выше, принимая фантастическія причудливыя очертанія, и порою казались какими-то волшебными существами, уносящими съ собою души умирающихъ воиновъ.

Съ высоты невидимой теперь монастырской башни, точно парящей въ облакахъ, въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ неслись торжественные звуки народнаго гимна, и чудилось, что въ этой трогательной чарующей мелодіи слышатся хоры ангеловъ, слѣдующихъ въ міръ, чтобы облегчить страданія гибнущихъ людей.

Время отъ времени, съ зловѣщимъ шипѣніемъ прорѣзывая воздухъ, пролетала бомба, и, описавъ дугу, съ оглушитель-

нымъ трескомъ разрывалась въ куски среди мѣрно движущейся пѣхоты, внося въ ея поспѣшно размыкающіеся ряды смерть и опустошеніе. Гранаты и ядра съ визгомъ врѣзывались въ скачущіе эскадроны кавалеріи, опрокидывая и разрывая какъ лошадей, такъ и всадниковъ. Слышались стоны умирающихъ, крики о помощи раненыхъ, ржаніе лошадей, бой барабановъ и звуки трубъ. Шведы по всей линіи начали наступленіе. Ихъ дисциплинированные, закаленные въ безпрепятственныхъ бояхъ солдаты, съ замѣчательной стойкостью выдерживали огонь и храбро шли впередъ, не взирая на наносимые врагомъ удары.

Ясногорскіе защитники въ свою очередь мужественно сражались и съ успѣхомъ отбивали приступы шведовъ. Подъ градомъ непріятельскихъ ядеръ и пуль они ни на минуту не теряли присутствія духа и воодушевляемые своими неустрашимыми начальниками выказывали чудеса храбрости. Солдаты и волонтеры точно вступили въ соревнованіе между собой и старались превзойти другъ друга въ отвагѣ, великодушіи и самоотверженіи. Артиллеристы съ поразительнымъ хладнокровіемъ вели свое дѣло, точно находились на смотру, и чрезвычайно ловко наводили орудія, такъ что рѣдкій выстрѣлъ пропадалъ даромъ. Непріятельскіе снаряды то со свистомъ проносились надъ ними, то съ трескомъ падали вокругъ нихъ, не вызывая на ихъ суровыхъ лицахъ даже тѣни страха. Монахи въ бѣлыхъ плащахъ обходили ряды воиновъ, благословляя ихъ на брань и въ трудныя минуты поддерживая невольнo слабѣющее мужество. Ихъ горячая вѣра и полнѣйшее безстрашіе предъ лицомъ ежеминутно угрожающей опасности импонирующимъ образомъ дѣйствовали на сражающихся, возбуждая необыкновенный энтузіазмъ и жажду великихъ подвиговъ. Въ шляхтичахъ, главныхъ руководителей обороны, проснулся воинственный духъ ихъ отцовъ. Съ беззавѣтной отвагой и юношескимъ пыломъ они кидались въ самыя опасныя мѣста, презирая парящую надъ ними смерть, въ образѣ бомбъ, гранатъ и ядеръ. Увлекаемые неудержимымъ стремленіемъ къ самопожертвованію, шляхтичи спѣшили доказать, что они достойны своихъ великихъ предковъ и съ радостью жертвуютъ жизнью, ради свободы и счастья отечества.

Кордецкій наблюдалъ за всѣмъ ходомъ сраженія, медленно и съ полнѣйшимъ спокойствіемъ переходя отъ одного бастіона къ другому, не обращая никакого вниманія на все учащающійся непріятельской огонь. Въ ту минуту, когда онъ приблизился къ главной сторожевой башнѣ, шагахъ въ тридцати отъ него, упала шведская бомба, и, разорвавшись съ оглушительнымъ трескомъ, убила наповаль трехъ солдатъ. Настоятель набожно осѣнилъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, и тихо прошепталъ *Requiem aeternam*, обратился къ товарищамъ убитыхъ:

— Друзья мои, не печальтесь объ участи погибшихъ вашихъ соратниковъ, напротивъ, завидуйте имъ, ибо они пали смертью храбрыхъ во славу нашей родины и удостоились мученическаго вѣнца. Умереть за отечество есть высшее счастье, какое только возможно на землѣ. Вы переживаете лучшіе моменты на вашемъ жизненномъ тернистомъ пути, ибо отрехшись отъ вѣчныхъ будничныхъ страстей, отдаете себя въ жертву тому, что считаете благомъ всего народа. Не жалѣйте вашего земного существованія, ибо оно скоротечно и безконечно ничтожно въ сравненіи съ грядущей вѣчной жизнью.

Солдаты съ энтузіазмомъ привѣтствовали рѣчь любимаго отца настоятеля и, въ сильномъ возбужденіи, кинувшись къ крѣпостнымъ амбразурамъ, открыли ожесточенный огонь по наступающимъ непріятелямъ. Залпы изъ мушкетовъ и крѣпостныхъ пищалей перемежались съ протяжными орудійными выстрѣлами. Ежеминутно вся оборонительная линія загоралась длинной огненной лентой, являвшейся чуть-ли не единственной движущейся мишенью для непріятеля, такъ какъ весь монастырь былъ окутанъ сплошными густыми облаками порохового дыма.

Ясногорскіе защитники успѣшно отразили нападеніе шведовъ и заставили ихъ по всей линіи отступить, нанеся имъ значительный уронъ. Несмотря на всѣ усилія непріятелей, имъ не удалось сдѣлать пролома, и такимъ образомъ штурмъ оказался неудачнымъ. Миллеръ объяснялъ это чарами монаховъ и былъ очень смущенъ. Въ довершеніе всего, въ сѣверо-восточномъ редутѣ отъ удара ясногорской бомбы произошелъ взрывъ заряднаго ящика, благодаря которому было ранено пять артиллеристовъ и убитъ одинъ офицеръ.

Вейгардъ объѣзжалъ ряды солдатъ, ободрялъ ихъ, заставлялъ ихъ снова идти на приступъ, принуждалъ Вахлера идти впереди штурмующей колонны и указывать слабыя мѣста укрѣпленій, страшно волновался, но ничего не помогало. Осажденные дружными учащенными залпами встрѣчали непріятелей и въ концѣ концовъ заставили ихъ податься назадъ и отойти на прежнія позиціи. Горнисты заиграли отбой и, нѣкоторое время спустя, шведы очистили всю гору. Вейгардъ, совершенно обезкураженный постоянными неудачами, съ какимъ-то суевѣрнымъ страхомъ поглядѣлъ на этотъ точно заколдованный монастырь, охраняемый непонятной таинственной силой. Незмѣнно сопровождавшій его полковникъ Калининскій, хотя тоже былъ въ очень дурномъ настроеніи, тѣмъ не менѣе считалъ своимъ долгомъ какъ-нибудь утѣшить своего друга.

— Вотъ погодите немного, скоро придутъ орудія изъ главнаго экспедиціоннаго корпуса.

— Если они такъ же мѣтко будутъ стрѣлять, какъ эти,— отвѣтилъ Вейгардъ,—то принесутъ мало пользы. Здѣсь происходитъ что-то странное, господинъ полковникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, графъ,—тутъ что-то не ладно; очень можетъ быть, что и чары.

Графъ на минуту задумался и потомъ проговорилъ:

— Развѣ не странны какъ это упорное, продолжительное сопротивленіе монаховъ, такъ и наши неудачи! Взявъ Познань, Калишъ, Бракъ, Варшаву, столько времени возиться съ какимъ-то укрѣпленнымъ монастыремъ?

— Да, дѣйствительно, явленіе непонятное и заслуживающее нѣкотораго размышленія, но видите-ли....

— Извините, тутъ не можетъ быть никакого «но»; въ настоящее время наши силы болѣе значительны, чѣмъ были раньше, и тѣмъ не менѣе здѣсь мы почему-то оказываемся безсильными. Странно, непонятно....

Неразлучные товарищи переглянулись, и, пожавъ плечами, отправились по обыкновенію къ Миллеру. Передъ генеральской ставкой они наткнулись на кавалерійскій развѣздъ, захватившій возвращавшагося изъ Пруссіи Равскаго подкоморія Петра Сладковскаго. Онъ преспокойно ѣхалъ, окруженный многочисленной дворней, не обращая вниманія на непріятельскіе пат-

рули, такъ какъ, будучи сторонникомъ шведовъ, вовсе не предполагалъ, что его осмѣлятся гдѣ-нибудь остановить. Однако посланный на рекогносцировку кавалерійскій разъѣздъ подозрительно отнесся къ господину подкоморію, и, не обративъ вниманія на предъявленную имъ охранную грамоту, безъ церемоніи притащилъ его со всей челядью къ Миллеру.

Сладковскій былъ, что называется, старый воробей; со шведами говорилъ по-шведски, съ поляками по-польски, словомъ, умѣлъ ладить со всѣми, хотя, конечно, болѣе всего тяготѣлъ къ своимъ. Когда Миллеръ сталъ его разспрашивать, Сладковскій прежде всего постарался выказать свои дружескія чувства къ шведамъ, затѣмъ началъ жаловаться.

— Генералъ,—сказалъ онъ съ негодованіемъ,— что это значить? Неужели въ Польшѣ не ограждены отъ нападенія подданные его величества короля Карла Густава? На какомъ основаніи меня осмѣлились задержать ваши солдаты?

— Что дѣлать? время военное!

— Но, вѣдь, я человѣкъ мирный.

— А развѣ они знали, кто вы такой?

— Я предъявлялъ имъ охранную грамоту, выданную мнѣ генераломъ Дугласомъ.

— Да, вѣдь, они читать не умѣютъ. Впрочемъ, вы много потеряли оттого, что чуть-чуть свернули въ сторону, а мнѣ это какъ разъ на руку.

— При томъ они напугали меня, отняли время...

— Увѣряю васъ, что все это къ лучшему. Вы, надѣюсь, не откажете мнѣ въ любезности и согласитесь завтра отправиться въ монастырь. У меня просто голова идетъ кругомъ. Я давно могъ-бы уничтожить этихъ упрямыхъ монаховъ, но мнѣ жалъ ихъ. Скажите имъ, чтобы они не безумствовали, что они должны сдаться, такъ какъ вся Польша въ нашихъ рукахъ.

— Но, генералъ, развѣ я могу на нихъ подѣйствовать?

— Подѣйствуете, подѣйствуете, засвидѣтельствуете настоящее положеніе дѣлъ въ странѣ, уговорите ихъ; вамъ, какъ свѣдѣму человѣку, они скорѣе повѣрятъ.

Сладковскій какъ-то странно двинулъ бровями и завернулъ усы.

— Ну, какъ въ Пруссіи? Навѣрно, все хорошо? Шведы, какъ и всегда, берутъ верхъ?

— Разумѣется, генераль, разумѣется, именно такъ, какъ вы говорите, — подтвердилъ Сладковскій.

— Ну, вотъ вы имъ все это и скажете... дадите, конечно, дружескій совѣтъ, чтобы скорѣе сдались.

— Вѣдь, по правдѣ сказать, я даже давно знакомъ съ настоятелемъ Кордецкимъ...

— Тѣмъ лучше, тѣмъ скорѣе отнесутся къ вамъ съ довѣріемъ. А теперь мнѣ надо позаботиться о васъ относительно нѣкотораго подкрѣпленія послѣ дороги и затѣмъ предоставить въ ваше распоряженіе болѣе или менѣе подходящую квартиру въ мѣстечкѣ Ченстоховѣ.

Во время обѣда Сладковскій на вопросы относительно успѣховъ шведскаго оружія и общаго положенія дѣлъ въ странѣ отвѣчалъ очень туманно, часто путалъ и при каждомъ удобномъ случаѣ старался выказать свои вѣрноподданическія чувства по отношенію въ королю Карлу Густаву.

Въ общемъ оказалось, что зналъ онъ не особенно много, такъ какъ поѣздка въ Пруссію касалась исключительно его личныхъ дѣлъ.

Миллеръ, замѣтивъ это, даже пожалѣлъ, что предложилъ отправиться въ монастырь столь мало освѣдомленному человѣку, да еще въ качествѣ посла, но дѣлать было нечего, какъ ни какъ, а все же Сладковскій новый человѣкъ и, быть можетъ, сумѣетъ лучше повліять на почтенныхъ отцовъ. Калинскій выразилъ желаніе сопутствовать подкоморію, но тотъ вѣжливо отклонилъ предложеніе, заявивъ, что хочетъ конфиденціально побесѣдовать съ Кордецкимъ. Вскорѣ рейтары проводили Сладковского въ мѣстечко Ченстохово, гдѣ отвели ему квартиру въ домѣ Гіацинта Бжухановскаго. На утро Миллеръ обѣщалъ прислать за нимъ трубача и нѣсколькихъ кавалеристовъ, въ сопровожденіи которыхъ Сладковскому предстояло отправиться сначала на совѣщаніе съ генераломъ, а затѣмъ въ монастырь. Лишь только подкоморій отдѣлался отъ своихъ навязчивыхъ друзей и почувствовалъ себя свободнымъ, какъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ хозяина дома и осторожно разспросилъ его о положеніи дѣлъ.

Узнавъ все, что касалось осады, Сладковскій намоталъ это на усъ и съ прояснившимся лицомъ отправился на покой.

XIII.

На слѣдующій день былъ канунъ праздника Пресвятой Дѣвы. Настоятель рано вышелъ къ монахамъ и приказалъ строго поститься и ничего не измѣнять изъ того, что соблюдалось въ такой день въ прежніе года. Всѣ осажденные, начиная со старцевъ и кончая дѣтьми, добровольно рѣшили послѣдовать примѣру монаховъ и даже запретили въ кухняхъ разводить огонь. Ясногорскіе солдаты усердно чистили мортиры, пушки, мушкетеры, пищали, энергично готовясь къ оборонѣ, какъ вдругъ недалеко отъ воротъ слышались сигнальные звуки трубы, возвѣщавшіе прибытіе парламента.

Это былъ подкоморій Сладковскій, только что прибывшій отъ Миллера, давшего ему подробныя инструкции какъ и что говорить и въ свою очередь взявшаго съ нею клятвенное обѣщаніе, во имя любви къ Карлу Густаву, въ томъ, что онъ сдѣлаетъ все возможное для удачнаго окончанія переговоровъ.

Посла немедленно препроводили къ настоятелю, который, узнавъ Сладковского, съ немалымъ удивленіемъ воскликнулъ:

— А вы что тутъ дѣлаете? Неужели тоже на сторонѣ шведовъ?

— Не добровольно, но по принужденію, отче. Представьте себѣ, вчера я спокойно ѣхалъ изъ Пруссіи въ Жулавье, какъ вдругъ, недалеко отъ вашего монастыря, меня захватили шведскіе рейтары и, точно какого нибудь бродягу, безъ церемоній притащили въ свой лагерь.

— Вотъ вамъ и друзья шведы, — замѣтилъ Кордецкій.

— Да я-бы съ удовольствіемъ отказался отъ нихъ и отъ ихъ дружбы, но что было дѣлать?... Лишь только Миллеръ меня увидѣлъ, какъ тотчасъ, не давъ мнѣ опомниться, поручилъ мнѣ идти въ монастырь и уговорить васъ сдаться, увѣривъ... Впрочемъ, вы это, навѣрно, знаете.

— Еще-бы! сто разъ намъ повторяли, — сказалъ настоятель. — Намъ уже это порядкомъ надоѣло, а вотъ нѣтъ-ли у васъ че-

го-нибудь новаго и лучшаго, чѣмъ опротивѣвшая старая пѣсенка о Карлѣ Густавѣ?

Сладковскій внимательно осмотрѣлся; возлѣ пріора стояли Замоискій, Чарнецкій, еще два шляхтича и три священника. Присутствіе постороннихъ лицъ его повидимому стѣсняло и онъ какъ будто не рѣшался откровенничать.

— Да, видите-ли...—промолвилъ подкоморій, — съ этимъ чертомъ—шведомъ нельзя особенно шутить... и надо быть очень осторожнымъ...

— Вы можете намъ довѣриться, — прервалъ Кордецкій. — Есть у васъ что-нибудь, новое?

— Можетъ быть, кой-что и найдется, — съ улыбкой отвѣтилъ Сладковскій.

— Въ такомъ случаѣ, говорите смѣло, но прежде всего садитесь: хотя сегодня канунъ праздника Пресвятой Дѣвы и мы строго постимся, однако для васъ найдется что нибудь съѣдобное.

— А рязвѣ я не католикъ такой же, какъ и вы? — воскликнулъ подкоморій. — Пожалуйста, не считайте меня еретикомъ. Всѣ постятся, и я не желаю быть какимъ-то исключеніемъ.

Кордецкій крѣпко пожалъ ему руку и сказалъ:

— Ахъ, если-бы у насъ всѣ и всюду были также единокорными.

— Тогда мы не были-бы поляками, — прервалъ Сладковскій, — у насъ жизнь состоитъ въ несогласіи и, разумѣется, это Божье наказаніе.

— Правда, но говорите же скорѣе, что слышно?

— Да ничего особеннаго нѣтъ, — тихо началъ подкоморій, — но все же могу сообщить, что торжеству шведовъ скоро, кажется, скоро будетъ конецъ, фортуна отворачивается отъ своихъ любимцевъ; если не ошибаюсь, то именно сегодня составляется противъ нихъ конференція. Я встрѣчалъ много людей изъ Бранкова и Малой Польши и отовсюду слышно одно: времена шведовъ миновали.

Настоятель набожно скрестилъ на груди руки и со слезами воскликнулъ:

— Слава Богу! слава Богу!.. Скорѣе же рассказывайте, господинъ Сладковскій; вы представить себѣ не можете, какъ вы насъ обрадовали этой вѣстью!

— Въ Краковѣ и его окрестностяхъ, — продолжалъ подкоморій, — носятя упорные слухи, что наши хотятъ перейти на сторону Яна-Казимира и постепенно въ этомъ направленіи дѣйствуютъ, такъ какъ благопріобрѣтенные союзники обѣщали чуть-ли не золотые горы, но толку выходитъ мало. У шведовъ денегъ нѣтъ, а потому они лишь только взяли Краковъ, какъ тотчасъ показали себя съ другой стороны. Они перестали щадить какъ общественную, такъ и частную собственность; въ Великой Польшѣ, въ Малой, да и во всей странѣ шведы не думаютъ насъ защищать, какъ торжественно обѣщали раньше, но вмѣстѣ съ казаками опустошаютъ и грабятъ. Войска ихъ нападаютъ на дворянскія помѣстья, врываются въ монастыри, церкви, селенія, убиваютъ и производятъ насилія. Присоединившіеся къ шведамъ польскіе отряды, состоящіе преимущественно изъ шляхтичей, видя такія безчинства, начинаютъ водноваться и что-то замышляютъ.

— Неужели это правда? — съ радостью воскликнулъ Замойскій. — Воистину тутъ милость Божья, хотя поздно, но наконецъ-то они опомнились...

— Тихе, тихе! — понизивъ голосъ, промолвилъ Сладковскій, — могу сообщить вамъ еще новость, но только пусть это останется между нами: одно уже сраженіе произошло и наши здорово поколотили шведовъ; фактъ вполнѣ достовѣрный.

Кордецкій улыбнулся и спросилъ:

— Но правдивы-ли сообщенныя вамъ извѣстія?

— Безусловно. Вчера, когда Миллеръ сталъ разспрашивать меня, я былъ въ очень щекотливомъ положеніи и буквально не зналъ, что говорить. Приходилось все время лавировать, но вамъ повторяю, что все это такъ, какъ я рассказалъ. Разъ вамъ удалось выдержать столь продолжительную осаду, такъ, Богъ дастъ, продержитесь еще, а шведы неминуемо должны будутъ отступить, такъ какъ въ противномъ случаѣ наши имъ ударятъ въ тылъ...

— А что слышно о королѣ Янѣ-Казимирѣ?

— Бѣдняга все еще сидитъ въ своемъ Спизѣ, но Богъ милостивъ, поможетъ какъ ему, такъ и намъ, и страшная гроза пройдетъ.

— Накладемъ шведамъ, честное слово, накладемъ! — прер-

валъ Чарнецкій, — безъ церемоній въ шею и вонъ отсюда! Все же, господа, какъ ни какъ, а намъ слава за то, что мы первые дали отпоръ врагу, хотя конечно все это случилось благодаря отцу-настоятелю.

— Оставьте меня въ покоѣ! — возразилъ Кордецкій, — я не желаю никакой славы... Но продолжайте, продолжайте, господинъ Сладковскій, мнѣ интересно знать все.

— Виттембергъ въ Краковѣ принялъ депутатовъ отъ войска, но толку вышло мало, такъ какъ они пронюхали, что имъ хотятъ платить церковнымъ серебромъ. Одни только сторонники Конецпольскихъ, пришедшіе раньше всѣхъ, кой-что заполучили, остальнымъ пришлось удовлетвориться одними обѣщаніями. Шведы скромничали недолго и въ доказательство своей дружбы грабили кого попало.

— Этого надо было ожидать! — замѣтилъ настоятель.

— Крестьянъ разоряли страшными поборами, угоняли скоть, лошадей, отнимали у нихъ послѣдніе жалкіе гроши. Виттембергъ не только не наказывалъ своихъ солдатъ за подобныя безобразія, но какъ будто потворствовалъ имъ.

— Довольно намъ этого стыда и униженія! — воскликнулъ Замоискій, — довольно! Неужели мы будемъ позорно молчать и подставлять свои спины подъ удары подлыхъ негодяевъ? Нѣтъ! никогда! Мы скорѣе погибнемъ въ честной, открытой борьбѣ, чѣмъ позволимъ врагу надѣсть на себя ярмо!

— Съ недавняго времени, однако, отношеніе поляковъ къ шведамъ значительно измѣнилось, — рассказывалъ подкоморій: — всѣ замѣтили, что шведская опека очень похожа на кабалу. Военные депутаты, не ожидая выдачи жалованья, отправились изъ Кракова въ Сломники, гдѣ болѣе политичный и мягкій Дугласъ старался ихъ успокоить, но тщетно. Господа гетманы въ свою очередь придумываютъ средства къ спасенію отечества и совѣщаются какъ бы скорѣе выпроводить вонъ незваныхъ и слишкомъ безцеремонныхъ гостей.

— Слѣдовательно, и мы можемъ надѣяться, что о насъ не забудутъ? — замѣтилъ Кордецкій.

— Въ окрестностяхъ Кракова многіе узнали объ осадѣ Ясеной Горы въ тотъ моментъ, когда Миллеръ прислалъ туда гонца съ просьбой доставить, какъ можно скорѣе, дальнобойныя

крѣпостныя орудія, и хотѣли было уже идти на выручку, но потомъ рѣшили, что Пресвятая Дѣва сама защититъ свою обитель...

— И человѣческая помощь не была-бы излишней, — промолвилъ Замойскій, — если не для самой обители, то для всего народа, для котораго такой примѣръ былъ-бы очень важенъ и поучителенъ...

— А теперь, господа, — точно опомнившись, прервалъ Сладковскій, — скажите, что мнѣ передать генералу, который послалъ меня сюда?

— Тоже, что мы всегда ему отвѣчали, — проговорилъ настоятель, — а именно, что имѣющійся у насъ гарнизонъ вполне достаточенъ, въ чемъ онъ самъ могъ убѣдиться за все время этой осады, а потому въ шведскомъ гарнизонѣ мы не нуждаемся и въ замокъ не позволимъ войти; что же касается возобновленія переговоровъ, то предварительно мы просимъ безпрепятственно пропустить нашихъ двухъ монаховъ къ шведскому королю.

— Но вѣдь надо показать Миллеру, что и я кой-что сдѣлалъ, — съ беспокойствомъ прервалъ подкоморій, — а то онъ, чего добраго, готовъ меня заподозрить въ двойной игрѣ... Придумайте что-нибудь, господинъ Замойскій.

— Если вы уже начали играть комедію, — съ нѣкоторой безразличностью возразилъ Замойскій, — такъ играйте до конца. Вы лучше запомните то, что сами придумаете.

Сладковскій на минуту задумался и потомъ проговорилъ:

— Да! что будетъ, то будетъ; скажу ему, что вы упрямы, и если онъ не въ состояніи былъ побѣдить васъ пушками, то какъ-же я могу одолѣть васъ своими доводами, а тѣмъ временемъ, — добавилъ подкоморій, — не поддавайтесь, держитесь во чтобы то ни стало и, быть можетъ, скоро дождетесь нашего законнаго короля.

— Короля!... Дай Богъ, — со вздохомъ замѣтилъ Кордецкій, — не онъ насъ оставилъ, но мы его покинули. Увидѣвъ Польшу, почти безъ боя отдавшуюся въ руки шведовъ, онъ, конечно, отрекся отъ насъ, какъ отъ злыхъ дѣтей. Ахъ, если-бы онъ вернулся, все пошло-бы иначе... Къ счастью, мы надѣемся на Бога.

— И на нашу длань!—добавилъ Петръ Чарнецкій, ударивъ кулакомъ по эфесу своей огромной сабли.—Намъ надо только освободиться отъ фальшивыхъ друзей, а съ врагами мы сумѣемъ раздѣлаться.

Не успѣвъ подкоморій уйти, какъ сообщенныя имъ радостныя извѣстія, передаваемыя изъ устъ въ уста, облетѣли весь монастырь.

Осажденные сочли это даромъ, ниспосланнымъ Пресвятой Дѣвой своимъ защитникамъ въ канунъ ея праздника.

Между тѣмъ Сладковскій съ печальнымъ и удрученнымъ видомъ явился къ Миллеру отдать отчетъ въ своемъ посольствѣ.

— Ну, какъ вы тамъ управились съ монахами?—съ любопытствомъ спросилъ шведскій генераль.

— Да что! упрямые головы,—какъ-бы нехотя, отвѣтилъ Сладковскій:—съ ними нельзя ни говорить, ни убѣдить; монахи приняли меня, какъ вашего посла, и, зная о моей искренней привязанности къ королю Карлу-Густаву не хотѣли даже слушать того, что я имъ говорилъ. Отъ этихъ переговоровъ у меня положительно горло охрипло.

— Какъ? неужели и вамъ не вѣрять? Но что же они думаютъ, на что надѣются?

— Правду сказать, генераль, монахи болѣе всего надѣются на защиту Пресвятой Дѣвы.

Шведъ со злостью плюнулъ.

— Глупые язычники! глупые паписты!—воскликнулъ онъ.

— А затѣмъ, — докончилъ подкоморій,—я не знаю, на что они возлагаютъ надежду, но, во всякомъ случаѣ, ни бодрости, ни мужества не теряютъ...

— Это непонятное явленіе! Ну, видѣлъ ли кто что нибудь подобное?—какъ-бы про себя бормоталъ генераль.—Двѣсти чловѣкъ осмѣливаются издѣваться надъ десятитысячнымъ отрядомъ не какого-нибудь, а шведскаго войска. Это что-то не человѣческое... это безуміе...

— Притомъ,—замѣтилъ Сладковскій,—монахи держатъ себя гордо, неприступно... еле отвѣчаютъ на вопросы...

— А Замойскій?

— Замойскаго я только мелькомъ видѣлъ.

— Вы говорили при людяхъ или наединѣ съ Кордецкимъ?

— Тамъ было нѣсколько священниковъ и офицеровъ...

— Слѣдовательно, они непремѣнно хотятъ войны, пролитія крови и разрушенія монастыря,—крикнулъ Миллеръ.—Хорошо, попы будутъ имѣть всего этого вдоволь. Съ часу на часъ я ожидаю изъ Кракова дальнѣйшихъ осадныхъ орудій; мнѣ уже сообщили, что сюда отправлены шесть крупнаго калибра пушекъ и тысяча двѣсти пѣхотныхъ солдатъ. Лишь только подойдетъ подкрѣпленіе, я тотчасъ сокрушу это гнѣздо папистовъ.

— Внѣ всякаго сомнѣнія, генералъ,—подтвердилъ Сладковскій,—недоставало немного пѣхоты, да болѣе крупныхъ орудій, но лишь только онѣ загремятъ и сдѣлаютъ хотя-бы не особенно значительный проломъ, какъ сейчасъ же монахи явятся съ повинной.

Оставивъ Миллера въ этой сладкой мечтѣ, подкоморій, взявъ охранную грамоту, уѣхалъ въ мѣстечко и снова на время остановился у ченстоховскаго мѣщанина Гіацинта Бжуханскаго. Сладковскаго мучило, что онъ не могъ сообщить настоятелю о приближающемся къ шведамъ подкрѣпленіи, но какимъ образомъ можно было-бы пробраться въ монастырь, со всѣхъ сторонъ оцѣпленный пикетами? Онъ посмотрѣлъ на своего хозяина; Гіацинтъ Бжуханскій, какъ почти всѣ мѣщане того времени, былъ человекъ очень не презентабельный. Блѣдный, худой, загнанный, онъ имѣлъ видъ человека точно отовсюду ожидающаго какой-нибудь напасти. Подкоморій, судя по его внѣшности и позѣ, счелъ своего хозяина трусомъ и не рѣшался ему довѣриться. Бжуханскій какъ-бы понялъ шлахтича, и, низко поклонившись, сказалъ:

— Ваша милость, правда-ли, что вы были у нашихъ отцовъ и благодѣтелей? Какъ они тамъ бѣдняки проживаютъ?

— Былъ! Имъ не можетъ быть хорошо въ такомъ положеніи! Они просто обезумѣли, не хотятъ сдаться.

Мѣщанинъ пожалъ плечами и кивнулъ головой.

— А что-же хорошаго было бы, если-бы они сдались?

Сладковскій внимательно посмотрѣлъ ему въ глаза; собравшись съ духомъ и поручивъ себя Пресвятой Дѣвѣ, промолвилъ:

— Послушайте, любезнѣйшій, какъ васъ зовутъ?

— Гіацинтъ Бжуханскій къ услугамъ вашей милости, ченстоховскій мѣщанинъ и живописецъ.

— Ого! такъ вы и живописецъ?

Онъ еще разъ оглядѣлъ своего собесѣдника, приблизился къ нему и тихо сказалъ:

— Вы спрашивали относительно почтенныхъ отцовъ, хотите имъ услужить?

— Я?—съ улыбкой проговорилъ Бжуханскій. — Нечего и спрашивать,—мнѣ частенько приходилось оказывать имъ услуги.

— Вы почитаете нашу Пресвятую Заступницу?

— Ваша милость, а кто-же изъ добрыхъ христіанъ Ее не почитаетъ? Мнѣ кажется, я не измѣнникъ, не еретикъ; шведы вотъ у меня гдѣ сидятъ (онъ указалъ на горло), я всѣхъ ихъ изжарилъ-бы на вертелѣ!

— Насъ никто не услышитъ?

— Рѣшительно никого нѣтъ.

— Все-таки хорошенько осмотрите, нѣтъ ли кого подъ окномъ и заодно осѣдлайте мнѣ лошадь, передъ самымъ отѣздомъ мы поговоримъ.

Бжуханскій, весь горя отъ нетерпѣнія, стремглавъ кинулся въ конюшню, приготовилъ все къ отѣзду, вернулся къ Сладковскому и чтобы успокоить его, прошепталъ:

— Съ начала осады я уже шесть разъ былъ въ монастырѣ.

— Какимъ образомъ?

— Я надѣвалъ шведское платье.

— Не важный вы были шведъ.

— Ваша милость, шведы бываютъ разнаго сорта.

— Откуда же вы доставали платье?

— Здѣсь у меня на постой одинъ шведскій солдатъ-пьянчуга. Когда мнѣ нужно передать что-нибудь въ монастырь, я даю ему крѣпкаго меду, онъ здорово надрызгается, а потомъ лежитъ, какъ бревно. Я преспокойно надѣваю его платье и вооруженіе, хотя, по правдѣ сказать, оно идетъ ко мнѣ, какъ коровѣ сѣдло, и отправляюсь къ отцамъ...

— Ну, если вы такой молодецъ, то, быть можетъ, еще разъ пожелаете отправиться?..

— Только не раньше, какъ завтра на зарѣ, потому что въ этомъ отношеніи шведы похожи на людей и въ такое время крѣпче всего спать. Но что же мнѣ сказать? Кстати, заодно

передамъ немного залежавшіяся письма отъ изъ краковского конвента и отъ отца Антонія Пашковского...

— Сообщите имъ, что изъ Кракова на помощь шведамъ идетъ отрядъ въ тысячу двѣсти человѣкъ пѣхоты при шести орудіяхъ, а потому пусть будутъ очень осторожны.

Сладковскій такъ хорошо рассчиталъ, что при послѣднихъ словахъ онъ былъ уже на конѣ, а черезъ минуту мчался во весь духъ мимо непріятельскаго лагеря.

XIV.

Утро въ день праздника Пресвятой Дѣвы было ясное, хорошее. Солнечные лучи разсѣяли ночную мглу и неожиданно согрѣли застывшую, покрытую инеемъ землю. Небо было чистое, голубое и только кой-гдѣ виднѣлись легкія перистыя облачка.

Въ непріятельскомъ лагерѣ происходило обычное движеніе, въ монастырѣ торжественный праздникъ. Соборъ былъ залитъ огнями, совершалось богослуженіе, слышались набожные гимны.

Толпы народа стояли на колѣняхъ предъ ярко освѣщенными алтарями, раздавались величественные звуки органа, изрѣдка заглушаемые зловѣщимъ грохотомъ пушечныхъ выстрѣловъ.

Воины по очереди смѣняли другъ друга и на самое короткое время уходили въ церковь. Чарнецкій стоялъ на своемъ посту и тихо молился, какъ вдругъ замѣтилъ, что къ стѣнѣ приблизился какой-то, съ виду пьяный, шведскій солдатъ. Находившіеся въ этомъ мѣстѣ воины хотѣли было его застрѣлить, но Чарнецкій удержалъ ихъ и проговорилъ:

— Обождите, посмотримъ, что дальше будетъ.

Но лишь только ясноторцы ближе присмотрѣлись къ нему, какъ тотчасъ узнали знакомаго Бжуханскаго. Подойдя къ стѣнѣ, онъ вынулъ какія-то бумаги, вложилъ въ нихъ камень и швырнулъ ихъ на стѣну, но въ ту же минуту на него кинулись незамѣтно подкравшіеся настоящіе шведы.

Сначала онъ пробовалъ защищаться, потомъ бѣжать, но было уже поздно. Вся эта сцена въ одну минуту произошла

на глазахъ у Чарнецкаго, который не рѣшился стрѣлять по шведамъ изъ боязни убить живописца. Къ счастью, бумаги ловко попали на стѣну. Чарнецкій взялъ ихъ и поспѣшилъ къ настоятелю.

— Что новаго?—спросилъ Кордецкій.

— Дѣло не ладно, благодѣтель, живописца Бжуханскаго поймали въ тотъ самый моментъ, когда онъ переброшилъ намъ вотъ эти бумаги.

— Жаль бѣдняка,—замѣтилъ настоятель, —но авось, Богъ дастъ, съ нимъ ничего дурного не случится.

— Сомнительно.

Въ эту минуту на колокольнѣ ударили во всѣ колокола, призывая вѣрныхъ къ торжественной мессѣ.

Въ польскомъ лагерѣ нѣкоторые изъ воиновъ, услышавъ знакомые звуки, съ грустью взглянули на монастырь. Въ этотъ праздникъ имъ тоже хотѣлось помолиться вмѣстѣ съ своими соотечественниками и братьями по вѣрѣ.

Одинъ изъ нихъ, болѣе мужественный, обратился къ своимъ товарищамъ:

— А что, господа, не пойти ли намъ въ монастырь? Кстати шведы часа на два прекратятъ огонь, да и оттуда врядъ ли во время службы будутъ стрѣлять.

— И въ самомъ дѣлѣ, отчего бы не пойти?—поддержалъ другой.

— Насъ не пустятъ!—послышались голоса.

— Пустятъ, вѣдь мы только въ церковь войдемъ, и наконецъ насъ немного.

— Въ такомъ случаѣ, попытаемся.

И вотъ нѣсколько человекъ смѣло направились къ воротамъ и обратились къ о. Павлу:

— Отче, пустите насъ въ церковь.

Отецъ Павелъ взглянулъ и сказалъ:

— Вотъ какъ! Вчера вы на насъ зубы точили, а сегодня «пусти, отче». Оставьте меня въ покоѣ; вы недостойны. молитесь, если хотите, передъ шведскимъ знаменемъ. Я почему знаю: молитесь ли вы желаете или шпіонить.

— Отче, годится-ли такъ чернить своихъ братьевъ?

— Простите, любезнѣйшіе братцы, но я васъ не считаю

своими, такъ какъ у васъ на знаменахъ не имя Пресвятой Дѣвы, но шведскія короны.

— Сообщите отцу настоятелю, онъ навѣрно прикажетъ насъ впустить; развѣ не слышите: звонятъ къ обѣднѣ.

— Я-то всегда слышу, а вы вотъ только теперь слышите; да, звонятъ къ обѣднѣ, но не для васъ.

— Покорнѣйше просимъ, отче.

— Ну, хорошо, хорошо! ужъ если такъ просите, то сдѣлаю для васъ. Обождите немного, пойду доложить настоятелю.

Кордецкій читалъ еще письма, когда о. Павелъ доложилъ ему о просьбѣ поляковъ.

— Пустите!—воскликнулъ настоятель.—Развѣ можно въ такой просьбѣ отказывать? Церковь должна быть открыта даже для грѣшниковъ. Пропустите, отче, пропустите скорѣе!

— Ради Бога,—сказалъ отецъ Игнатій, приготовлявшійся къ молебствію,—что вы дѣлаете? Быть можетъ, они шпионы?

— Зла они намъ не причиняютъ, такъ какъ пришли сюда во имя Маріи; Она не допуститъ... Открой, отче, двери и веди прямо въ церковь.

— Неужели вы разрѣшаете?..—съ нѣкоторымъ удивленіемъ замѣтилъ отецъ Игнатій.

— Мы прежде всего служители Бога, отче,—отвѣтилъ Кордецкій,—а Его не одолѣетъ никакая человѣческая сила, никакая измѣна.

Прибывшихъ на молитву воиновъ впускали по очереди, записывая ихъ имена. Наконецъ подошелъ послѣдній; это былъ коренастый смуглый человѣкъ съ широкими скулами и маленькими черными глазами, выраженіе которыхъ было честное, правдивое; судя по облику, братъ Павелъ тотчасъ принялъ его за чужеземца.

— А вы кто такой?—спросилъ онъ.

— Азулевицъ, Мехмедъ Азулевицъ.

— Онъ татаринъ,—замѣтилъ кто-то изъ его товарищей.

— Что? Татаринъ! — крикнулъ монахъ, приближаясь къ воину,—а вы зачѣмъ здѣсь?

Татаринъ добродушно улыбнулся и сказалъ:

— Хотя я по происхожденію татаринъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такой же полякъ, какъ и мои товарищи; пустите, отче, мнѣ

хочется побесѣдовать съ храбрыми людьми, и, быть можетъ,— добавилъ онъ,— вы этого не пожалѣете.

Лицо его было настолько честное и симпатичное, что братъ Павелъ невольно смягчился.

— Но что скажетъ отецъ настоятель?—тихо промолвилъ онъ.

— Пустите его, онъ нашъ,—послышались голоса его товарищей,—это благородный человекъ, ему захотѣлось осмотрѣть укрѣпленіе, въ которыхъ вы такъ хорошо защищаетесь, не отталкивайте его; развѣ вы забыли, что татары наши лучшіе союзники?

— Правда,—согласился братъ Павелъ,—однако, надо было, бы сначала спросить настоятеля.

— На мою отвѣтственность,—проговорилъ Комаровскій,—пустите, пусть и онъ прослушаетъ нашу мессу.

Братъ Павелъ ничего не возразилъ и тотчасъ открылъ двери. Азулевичъ, провожаемый любопытными взглядами окружающихъ, вошелъ въ укрѣпленіе и сталъ прогуливаться по крѣпостному банкету, съ интересомъ ко всему присматриваясь и удивляясь.

Кордецкій послѣ службы вышелъ къ нему въ сопровожденіи нѣсколькихъ шляхтичей и монаховъ. Немного обезпокоенный такимъ подробнымъ осмотромъ, онъ обратился къ татарину.

— Господинъ Азулевичъ, пожалуйте къ намъ закусить, чѣмъ Богъ послалъ.

— Спасибо, отче.

— Вы не безпокойтесь насчетъ пищи, найдется кой что и для васъ.

— Я уже завтракалъ, мнѣ ѣсть не хочется. Искренно и сердечно благодарю васъ за довѣріе. Сейчасъ видно, что литовскіе татары и—вы дѣти одной матери; не думайте, что мы любимъ шведовъ. Я хотѣлъ осмотрѣть вашу крѣпость, гдѣ вы выказали чудеса храбрости; наши муллы не сумѣли-бы слѣлать ничего подобнаго. Удивительно! удивительно! дать отпоръ такому войску.

— Въ этомъ не наша сила,—возразилъ Кордецкій,—есть кто-то болѣе всѣхъ могущественный и Онъ намъ помогаетъ.

Татаринъ склонилъ голову и со вздохомъ сказалъ:

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога...

Остальную часть изреченія онъ изъ вѣжливости не произнесъ и докончилъ ее мысленно.

— Продолжайте также защищаться, — громко добавилъ Азулевичъ, — и я увѣренъ, что вы отразите врага.

Услышавъ это, всѣ присутствующіе окружили благороднаго воина.

— Да, не сомнѣвайтесь, — продолжалъ онъ, — стѣны прочны, солдаты хороши, въ продовольствіи и снарядахъ недостатка нѣтъ, а потому, съ какой стати вамъ сдаваться?

— Какъ вы полагаете? сумѣемъ выдержать? — спросилъ настоятель.

— Если вы такъ же будете продолжать, какъ начали, то въ успѣхѣ нечего сомнѣваться! Даже не помышляйте о сдачѣ. Шведы, пожалуй, согласятся подписать всѣ условія, какія вы только потребуете, а затѣмъ васъ ограбятъ и монастырь уничтожатъ до основанія. Они присягаютъ лишь для того, чтобы захватить довѣрчивыхъ людей; взгляните, какъ шведы разоряютъ весь край, несмотря на свои клятвенныя обѣщанія...

— Намъ сообщили, что изъ Бракова идетъ имъ на помощь отрядъ пѣхоты съ шестью дальнобойными орудіями, — замѣтилъ Кордецкій, — но да будетъ воля Божья!

— Только не пугайтесь, — проговорилъ Азулевичъ. — Пушки не всегда хорошо стрѣляютъ, въ чемъ вы успѣли сами убѣдиться; стрѣлять вверхъ не особенно удобно, что же касается пѣхоты, то и въ этомъ отношеніи беспокоиться нечего, — отрядъ не слишкомъ великъ, а дожди, морозы и снѣгъ сослужатъ вамъ хорошую службу.

Настоятель чуть не обнималъ татарина, а тутъ же стоявшій Чарнецкій выразилъ страстное желаніе выпить съ нимъ за успѣхъ ясногорскаго орудія, но Азулевичъ отказался, такъ какъ вина не употреблялась.

Вскорѣ онъ вмѣстѣ съ своими товарищами удалился въ лагерь.

Это случайное пребываніе Азулевича, новости, сообщенныя Сладковскимъ, письма отца Антонія Пашковского, въ которыхъ онъ извѣщалъ о шведскихъ вѣроломствахъ и насиліяхъ, до такой степени возбуждающимъ образомъ подѣйствовали на осаж-

денныхъ, что, несмотря на предстоящее усиленіе шведскаго войска, всё они, какъ одинъ человѣкъ, рѣшили защищаться во что-бы-то ни стало.

Самый праздникъ, молитвы, гимны съ таинственной силой вліяли на ясногорскихъ воиновъ, воспламеня въ нихъ мужество и отвагу.

Да и могутъ-ли не вліять могучія слова нашей ежедневной молитвы? Онѣ возносятъ насъ къ небесамъ, охраняютъ насъ отъ боязни смерти, вѣдряютъ въ насъ увѣренность, что мрачныя силы не въ состояніи одолѣть тѣхъ, которыхъ Богъ беретъ подъ свою защиту. Когда послѣ вечерняго богослуженія всё молящіеся хоромъ пропѣли торжественный гимнъ Пресвятой Дѣвѣ, сердца всѣхъ дрогнули отъ умиленія и благодарности къ своей Заступницѣ, ниспославшей имъ столько милостей.

ХУ.

Въ этотъ день перебивали въ церкви почти всё осажденные. Шведымогли воспользоваться удобнымъ моментомъ для нападенія, но почему-то не рѣшились. Съ того времени, какъ кто-то пустилъ слухъ, что ченстоховскіе монахи чародѣи, звонъ колоколовъ, пѣніе гимновъ, процессіи производили на нихъ какое-то особенное впечатлѣніе. Всё эти церемоніи казались шведамъ приготовленіями къ чарамъ, и когда во время канонады нѣкоторые солдаты падали, пораженные ясногорскими выстрѣлами, они внимательно осматривали убитыхъ, точно желая провѣрить, погибли ли ихъ товарищи отъ пуль или порожены какой-нибудь невидимой таинственной силой.

Во время богослуженія въ укрѣпленіи оставались немногіе, въ числѣ которыхъ былъ Кшиштопорскій. Онъ молча прохаживался взадъ и впередъ по банкету, поглядывая то на непріятельскій станъ, то на квартиру осиротѣвшаго Лассоты.

Отецъ Игнатій передъ тѣмъ, какъ идти въ церковь, обратился къ нему:

— Пойдемте ка помолимся, легче будетъ.

— Я и здѣсь помолюсь, — отвѣтилъ шляхтичъ, — нельзя же оставить укрѣпленіе на произволъ судьбы.

Священникъ грустно покачалъ головой.

— Совершенно справедливо, монастырь нельзя оставить безъ стражи,—сказалъ онъ,—но не хорошо и то, что воинъ Пресвятой Дѣвы въ такой день не хочетъ помолиться своей Заступницѣ. Пора уже подумать о душѣ и, я думаю, что у васъ ней не ладно. Кшиштопорскій гордо засмѣялся.

— Оставьте меня въ покоѣ,—рѣзко проговорилъ онъ,—и не заботьтесь о моей душѣ; хуже будетъ, если у васъ спина зачесется отъ шведскихъ ударовъ.

Отецъ Игнатій отвернувшись, и, пожавъ плечами, поспѣшно удалился въ церковь.

Тамъ, у дверей, стояла старая Констанція и горячо молилась. Вскорѣ она упала ницъ и тихо шептала:

— О, Пресвятая Дѣва, Матерь Божая, Ты одна знаешь мои страданія, я возложила на Твой алтарь то, что мнѣ было дороже всего, но чего я не достойна, утѣшь этого бѣднаго старца, не дай побѣды тѣмъ, что только вѣрятъ въ самихъ себя, умилосердись надъ своими слугами..... Матерь Божія, помилуй насъ грѣшныхъ!...

Констанція со слезами долго молилась, пока не кончилась вечерня. Когда всѣ разошлись, она съ трудомъ поднялась съ полу и направилась къ пустой квартирѣ Лассоты. Заглянувъ въ окно, Констанція остановилась въ нѣкоторой задумчивости, затѣмъ быстро пошла въ ту часть укрѣпленія, гдѣ стоялъ Кшиштопорскій.

Онъ былъ одинъ, такъ какъ отецъ Игнатій еще не вернулся изъ церкви. При видѣ старушки шляхтича охватило какое-то безпокойство.

Констанція смѣло подошла къ нему.

— Кшиштопорскій, — воскликнула она знакомымъ голосомъ, при звукахъ котораго тотъ невольно вздрогнулъ... Ты не ошибся, я тѣнь извѣстной тебѣ особы! тѣнь твоей жены... это я!

Шляхтичъ дрожалъ, не будучи въ состояніи двинуться съ мѣста.

— Видишь,—говорила старая,—что изъ меня сдѣлало покаяніе: безумную нищую, посмѣшище людей.... Но зато душѣ моей оно дало покой...

— Это она! да, это она!—дико оглядываясь, повторялъ изумленный Ышиштопорскій.

— Да, это я, жена двоихъ мужей, дурная мать, дурная жена, дурная дочь, великая грѣшница.... Я много виновата передъ тобой, много! Ты былъ для меня тираномъ, но неволя у тебя заставила опомниться безумную. Когда настала минута освобожденія, я была готова къ покаянію..... и видишь.... до сихъ поръ каюсь... Безумствовалъ въ молодости, я рѣшила казаться безумной до смерти и быть посмѣшищемъ у людей; прежде не зная нужы, я рѣшила жить въ нищетѣ и выпить ее до дна; прежде чувственная и кокетка, я затѣмъ истязала себя голодомъ и власяницей. Недостойная жена отреклась отъ свѣта, семьи, чтобы наказать себя и вымолить прощеніе у Бога; у меня нѣтъ ни дома, ни пристанища, я постоянно жажду смерти.... но видно покаяніе не достаточно.... Богъ не желаетъ взять меня къ себѣ. О! мы оба безумствовали, Николай..... Но когда-же ты наконецъ опомнишься?

— Уйди! уйди прочь!—сдавленнымъ голосомъ воскликнулъ Ышиштопорскій.—Зачѣмъ ты меня преслѣдуешь? Это твой голосъ, но лицо иное..... Уйди, привидѣніе.

— Я не привидѣніе! нѣтъ! я твоя живая жена, несчастная кающаяся грѣшница. Николай! неужели ты вѣчно будешь мстить? вѣчно ненавидѣть? Неужели тебя не тяготятъ твои грѣхи, неужели тебя не страшитъ будущая жизнь?

— Уйди! удались,—все громче и почти съ яростью восклицалъ Ышиштопорскій,—уйди, или я застрѣлю тебя....

— Стрѣляй! о, скорѣе стрѣляй! меня не испугаешь смертью!... Скажи, наконецъ, что ты сдѣлалъ съ Ганной, съ моею внучкой?

— Я? съ Ганной? я! кто тебѣ это.... онъ не дskonчилъ, и, отступивъ на нѣсколько шаговъ, злобно прошепталъ:

— Уйди, привидѣніе!

— Не уйду! нѣтъ! я буду преслѣдовать тебя, мучить, не дамъ покоя, ты долженъ отдать Ганну.... Не мнѣ, не мнѣ, я отреклась отъ дѣтей, отдала ихъ подъ покровительство Бога, такъ какъ не достойна ихъ воспитывать и наслаждаться ими; не мнѣ ее отдай, ибо она не должна знать, кто я для нея, но ему...

— Ему?... къ нему всё чувствуютъ состраданіе, а ко мнѣ никто!

— Къ тебѣ никто; надъ тобой не умиосердится Богъ, къ тебѣ не почувствуютъ состраданія люди, ибо ты мстителенъ и жестокъ, какъ сатана, ибо въ тебѣ души нѣтъ...

Кшиштопорскій засмѣялся.

— Сегодня всё молились, падали ницъ предъ алтаремъ, лишь ты одинъ стоялъ, молчалъ и смѣялся... Никто тебя не пожалѣетъ, потому что ты никогда никого не жалѣлъ... Отдай ему Ганну...

— Ему? Чего ты хочешь отъ меня? Уйди прочь, женщина!

— Тебѣ этого хочется? Но нѣтъ, не уйду; я ни днемъ, ни ночью не дамъ тебѣ покоя.... Отдай ему Ганну, злой, жестокой старикъ!

Кшиштопорскій уже не владѣлъ собою и, точно обезумѣвъ отъ гнѣва, схватилъ мушкетъ.

— Еще одно слово—и я застрѣлю тебя,—прошенталъ онъ, задыхаясь отъ волненія.

Констанція смѣло посмотрѣла ему прямо въ глаза, какъ-то странно засмѣялась и ушла.

Шляхтичъ остался одинъ, весь дрожа, какъ въ лихорадкѣ, и скрежеща зубами. Въ эту минуту вернулся отецъ Игнатій, и, увидавъ его въ такомъ состояніи, не могъ понять, что съ нимъ случилось. Замѣтивъ священника, Кшиштопорскій кинулъ мушкетъ въ сторону, и, сѣвъ возлѣ одной изъ амбразуръ, погружился въ глубокую задумчивость.

Настала ночь и повсюду воцарилась тишина. Отецъ Игнатій ушелъ въ монастырь на ночное бдѣніе... Черезъ нѣкоторое время шляхтичъ поднялся и въ безнокойствѣ сталъ ходить по банкету. Въ шумѣ вѣтра постоянно звучали слова: «Отдай ему Ганну!... отдай ему Ганну!»

Это Констанція, помѣстившись въ рву, повторяла эту фразу, дразня его немилосердно.

Лишь только отецъ Игнатій вернулся изъ церкви, какъ тотчасъ шляхтичъ спустился внизъ, въ свою комнату, единственное окно которой немного возвышалось надъ землей. Но не успѣлъ Кшиштопорскій зажечь свѣчу, какъ у защищенной желѣзной рѣшеткой окна показалось блѣдное истощенное лицо

Констанціи, которая по образовавшимся во время бомбардировки отверстиям умудрилась взобраться на стѣны и какимъ-то зловѣщимъ голосомъ повторяла:

— Отдай ему Ганну!

Елиштепорскій не выдержалъ: схвативъ ружье, онъ прицѣлился и выстрѣлилъ.... Но она ловко уклонилась въ сторону, и не успѣлъ еще дымъ наполнить комнату, какъ за окномъ снова раздался знакомый голосъ:

— Отдай ему Ганну! преступникъ! отдай ему Ганну!

XVI.

На слѣдующій день началась жестокая канонада. Шведы сначала бомбардировали изъ прежнихъ орудій, подготавливая мѣсто для установки только что прибывшихъ изъ Кракова большихъ картаунъ и кулевринъ. Миллеръ надѣялся, что эти пушки сослужатъ ему хорошую службу.

Вейгардъ вертѣлся около генерала и ручался, что послѣ перваго выстрѣла монахи тотчасъ сдадутся. Миллеръ почти не отвѣчалъ ему. Напрасно графъ своимъ усердіемъ старался заслужить расположеніе генерала, всѣ его усилія оказывались безплодными. Миллеръ, какъ и всегда, обвинялъ Вейгарда во всѣхъ неудачахъ.

Шведы наводили свои мортиры преимущественно на такіе пункты, откуда видѣлись деревянные крыши монастырскихъ строеній, но стража всегда имѣла наготовѣ воду и чуть только показывалось небольшое пламя, какъ тотчасъ его тушили.

Непріатели спѣшили построить новые редуты и снабдить ихъ присланными крупными орудіями. Миллеру, однако, и тутъ не было удачи; Виттембергъ не прислалъ пороху, рассчитывая, что его вдоволь у осаждающихъ, а между тѣмъ громадныя единороги и кулеврины требовали столько пороху, что при частомъ ихъ употребленіи скоро истощили-бы имѣющіеся въ распоряженіи генерала запасы.

Вся надежда возлагалась на то, что послѣ одного сильнаго штурма или осажденные капитулируютъ, или новыя пушки сдѣлаютъ настолько значительный проломъ, что можно будетъ

ворваться въ крѣпость. Вахлеръ указывалъ слабыя мѣста въ укрѣпленіи.

Кордецкій и старшіе ясногорскіе начальники знали о доставленныхъ шведамъ картаунахъ и распорядились укрѣпить слабѣйшіе пункты. Все было приготовлено къ тому, чтобы въ случаѣ пролома, можно было немедленно его закрыть.

Въ теченіе двухъ дней непріатели заняты были сооруженіемъ новыхъ редутовъ, но такъ какъ земля замерзла, то фортификаціонныя работы требовали большихъ хлопотъ и усилій.

Бомбардировка тѣмъ временемъ производилась съ поразительной энергіей. Приготовленія къ генеральному штурму продолжались въ четвергъ и пятницу и только въ субботу утромъ грянули громадные единороги и кулеврины.

Кордецкій, услышавъ страшный гулъ, невольно вздрогнулъ, но не отъ страха; самъ онъ не боялся, но его тревожило, выдержать ли этотъ адскій огонь его солдаты. Чарнецкій и Замойскій немедленно отправились въ укрѣпленія. Три непріательскія картауны неустанно громили съ сѣвера и съ юга. Чарнецкій чувствовалъ себя въ родной стихіи и съ поразительнымъ мужествомъ сталъ руководить обороной, Замойскій не отставалъ отъ него. Осажденные, видя своихъ храбрыхъ вождей, энергично отстрѣливались и старались доказать, что презираютъ опасность.

— Кто живъ, на стѣны! кто живъ, на стѣны! — отовсюду слышались голоса.

Старики, женщины, подростки приносили камни, землю въ корзинахъ, балки, чтобы защитники имѣли подъ рукою все необходимое для закрытія на случай пролома. Всѣми овладѣлъ необыкновенный энтузіазмъ.

Замойскій послалъ за сыномъ. Старый воинъ хотѣлъ приучить его къ сраженіямъ, и смѣлый юноша, благословенный матерью, охотно прибѣжалъ къ своему отцу.

— Никто не свободенъ отъ обязанности жертвовать жизнью для блага родины, — сказалъ ему Замойскій, — мы должны покорять примѣръ другимъ.... Стой здѣсь, Стефанъ, и служи, какъ можешь.

Слѣдомъ за своимъ единственнымъ сыномъ пришла его мать. Всѣ съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ глубокимъ уваже-

ніемъ смотрѣли на почтенную, мужественную матрону. Хотя это былъ не первый примѣръ, тѣмъ не менѣ защитники невольно прослезились отъ умиленія, увидавъ, какъ эта достойная мать въ своемъ шелковомъ платьѣ вмѣстѣ съ простыми людьми носила камни, доски и землю. Замойскій съ невыразимой благодарностью взглянулъ на жену и точно наэлектризованный всецѣло посвятилъ себя оборонѣ.

Въ эту минуту чудное зрѣлище представлялъ монастырь. Звонили колокола, на башнѣ играла музыка, горсть героевъ съ нечеловѣческой отвагой отражала яростные приступы въ пятьдесятъ разъ превосходившихъ ее, испытанныхъ въ бояхъ и всюду побѣдоносныхъ шведовъ. Ясногорцы воспламенялись все болѣе и болѣе, въ пороховомъ дымѣ они казались какими-то сказочными титанами, одаренными необыкновенными сверхъестественными силами. Старики, женщины, отроки помогали воинамъ чѣмъ могли и безъ страха выдерживали ужасающій непріятельскій огонь. Здѣсь уже не было робкихъ людей, дрожащихъ за свою жизнь, нѣтъ, они всѣ были герои, не знающіе опасности и презирающіе смерть. Всѣ низменные желанія и страсти какъ бы исчезли, люди перестали быть эгоистами и горѣли одной лишь благородной жаждой, жаждой самопожертвованія.

Чарнецкій, видя товарища своего на оборонѣ, окруженнаго самыми дорогими и близкими людьми, воскликнулъ:

— Отчего у меня нѣтъ сына, отчего у меня нѣтъ жены, и они-бы показали такой же примѣръ, какъ Замойскіе! Этотъ человѣкъ во всемъ меня превосходитъ!

Кордецкий находился еще въ церкви и, склонясь предъ алтаремъ, молилъ Бога о помощи.

Послѣ мессы всѣ молящіеся заплѣли хоромъ «Святый Боже» настоятель подошелъ къ главному алтарю и, взявъ Св. Дары, направился къ выходу, сопровождаемый толпою народа. Процессія съ хоругвями, выйдя изъ церкви, торжественно двинулась вдоль по крѣпостному банкету. Пѣнію священныхъ гимновъ аккомпанировали звуки музыки и оглушительный, несмолкаемый громъ орудій. Подъ градомъ непріятельскихъ бомбъ и гранатъ Кордецкий невозмутимо благословлялъ защитниковъ, которые съ благоговѣніемъ падали ницъ, въ эту минуту всей

душой возносясь къ Богу. Когда настоятель подошелъ къ южной части стѣны, на процессію посыпались куски разбиваемыхъ ядрами кирпичей и камней, но она ни на минуту не остановилась и также спокойно медленно продолжала двигаться дальше среди страшнаго шума, выстрѣловъ и разрушенія. Всѣ осажденные находились точно въ какомъ-то неземномъ упоеніи, какъ бы совершенно забывая объ ежеминутно угрожающей опасности. Обойдя стѣны, настоятель и нѣкоторые изъ священниковъ вернулись въ церковь, гдѣ предались краткой, но горячей молитвѣ о ниспосланіи имъ твердости и мужества въ эти трудныя минуты.

Вскорѣ соборъ опустѣлъ, такъ какъ всѣ молящіеся отправились въ укрѣпленія. Немного спустя, настоятель послѣдовалъ за ними и наравнѣ съ другими сталъ носить доски и фашины.

Замойскій, увидѣвъ его за работой, быстро подбѣжалъ къ нему.

— Отче! — воскликнулъ онъ, — зачѣмъ вы это дѣлаете? Найдутся люди и безъ васъ, намъ болѣе всего нужна ваша молитва...

— Все въ свое время, — медленно отвѣтилъ Кордецкій, — нужна и работа. Быть можетъ, и мои слабыя руки на что-нибудь пригодятся; я не хочу сидѣть безъ дѣла, тѣмъ болѣе, что съ дѣтскихъ лѣтъ привыкъ къ труду.

И онъ тихо вздохнулъ, должно быть, вспомнивъ свою молодость.

Между тѣмъ ясногорскіе начальники внимательно и даже съ нѣкоторымъ безпокойствомъ поглядывали на стѣны, которыя во многихъ мѣстахъ дали значительныя трещины.

Непріятельскіе снаряды то тамъ, то здѣсь врѣзывались въ крѣпостныя стѣны, разбивали зубцы и окна въ сторожевыхъ башняхъ.

Время отъ времени слышались стоны раненыхъ и хрипѣніе умирающихъ. Въ одномъ мѣстѣ уже была сильно разрушена верхняя часть бруствера и осажденные съ лихорадочною поспѣшностью торопились исправить причиненныя бомбардировкой поврежденія. Въ монастырскомъ дворѣ бомба съ грохотомъ ушала на крышу конюшни и, пробивъ ее, убила трехъ лошадей; на сѣверной сторонѣ укрѣпленій шведское ядро сшибло съ лафета ясногорскую пушку.

Послѣ полудня канонада на время утихла, и вскорѣ у воротъ послышался парламентарскій сигналъ. Кордецкій выглянулъ изъ слухового окна.

— Сдаетесь или нѣтъ?—спросилъ шведскій трубачъ.—Генералъ ждетъ немедленнаго отвѣта.

— Обождите до завтра,—отвѣтилъ настоятель,—намъ надо подумать.

Трубачъ съ этимъ отвѣтомъ во весь духъ поскакалъ къ своему начальнику.

Миллеръ въ полной увѣренности, что послѣ такой бомбардировки осажденные покорятся, съ нетерпѣніемъ спросилъ:

— Ну, что? конечно, сдаются?

— Просятъ обождать до завтра, съ восходомъ солнца пришлютъ отвѣтъ.

— Вотъ какъ! Они очевидно хотятъ погибнуть!—крикнулъ онъ.—Въ такомъ случаѣ, сейчасъ же возобновить огонь!

Вскорѣ изъ всѣхъ построенныхъ редутовъ съ оглушительнымъ гуломъ загремѣли пушки, страшные единороги и кулеврины.

Настоятель и Замойскій находились теперь на сѣверной сторонѣ укрѣпленій, такъ какъ это былъ самый слабый пунктъ оборонительной линіи и здѣсь непріатели скорѣе всего могли сдѣлать проломъ.

Въ этомъ мѣстѣ руководилъ пальбой пушкарь нѣмецъ, нѣкій Гальмеръ, другъ Вахлера. Сначала онъ дѣйствовалъ довольно энергично, но вскорѣ сталъ небрежно относиться къ своей обязанности, слабо и неудачно отвѣчая на учащенный непріятельскій огонь. Замойскій нѣсколько разъ сдѣлалъ ему выговоръ, но нѣмецъ точно не слышалъ, ядра довѣренныхъ ему орудій причиняли ничтожный вредъ непріателямъ, такъ какъ большей частью или не долетали, или перелетали. На замѣчанія онъ отвѣчалъ:

— Развѣ могутъ всѣ снаряды попасть? Шведы лучше насъ артиллеристы, а все-таки, сами видите, какъ часто они даютъ промахъ.

Замойскій, видя что его слова не дѣйствуютъ, доложилъ о небрежности нѣмца Кордецкому.

Настоятель быстро подошелъ къ пушкарю, и, слегка ударивъ его по плечу, сказалъ:

— Сколько тебѣ шведы обѣщали за то, чтобы ты ихъ щадилъ?

— Мнѣ? мнѣ?—спросилъ Гальмеръ, какъ бы въ нѣкоторомъ испугѣ.

— Да, тебѣ! Скажи мнѣ, быть можетъ, и мы сумѣемъ дать тебѣ такую же награду.

— Чего вы отъ меня хотите? — нѣсколько оправившись отъ смущенія, проговорилъ нѣмецъ. — Развѣ я виноватъ?..

— Помни, что если ты не исправишься, тебя можетъ наказать Богъ.

Гальмеръ ничего не отвѣтилъ и только пожалъ плечами. Настоятель и Замойскій отошли въ сторону.

Но еле успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ за ними послышался оглушительный трескъ лопающейся гранаты и почти одновременно отчаянный крикъ. Оглянувшись, они увидѣли, что пушкаръ лежалъ уже на землѣ, раненый въ ногу осколкомъ непріятельскаго снаряда.

Настоятель тотчасъ приблизился къ нему, осмотрѣлъ его ногу и нашелъ, что рана очень незначительна, тѣмъ не менѣе тотчасъ послалъ въ аптеку за лѣкарствами и перевязочными средствами. Черезъ минуту возлѣ нѣмца былъ уже аптекаръ братъ Яцентій съ корпіей и разными стекляночками. Вскорѣ рану обмыли и положили на нее пластырь. Растроганный до глубины души такимъ въ полномъ смыслѣ слова христіанскимъ, благороднымъ отношеніемъ, Гальмеръ прослезился и настойчиво просилъ позволить ему встать, увѣряя, что теперь онъ не чувствуетъ почти никакой боли. Просьбу его пришлось исполнить. Нѣмецъ съ какимъ-то волненіемъ медленно подошелъ къ орудіямъ, велѣлъ солдатамъ пододвинуть ихъ немного въ сторону и нѣсколько минутъ внимательно смотрѣлъ на наступающія непріятельскія колонны. Ничего не говоря, Гальмеръ старательно навелъ одну изъ пушекъ и приложилъ фитиль... Грянулъ выстрѣлъ... Осажденные ясно увидѣли какое-то замѣшательство въ шведскомъ редутѣ: очевидно, ядро попало въ цѣль. Другимъ выстрѣломъ былъ взорванъ большой пороховой ящикъ. Для шведовъ это была крупная потеря, такъ какъ страшные единороги и кулевины пожирали массу пороха. Замойскій, видъ себя отъ радости, вынулъ изъ кармана

нѣсколько золотыхъ монетъ и протянулъ ихъ нѣмцу, но тотъ слегка отстранилъ его руку и сказалъ:

— Благодарю васъ, но я не могу принять награды за то, что исполнилъ свой долгъ, хотя и поздно, — добавилъ онъ про себя.

Нѣмецъ точно переродился и до тѣхъ поръ не успокоился, пока не навелъ, какъ слѣдовало, всѣ свои пушки.

День этотъ былъ очень тяжелъ для осажденныхъ, такъ какъ шведы чрезвычайно энергично вели каонаду и выпустили около четырехсотъ крупныхъ снарядовъ. Несмотря, однако, на всѣ усилія, штурмъ не удался.

Но вотъ солнце склонилось къ западу и мало-по-малу бомбардировка прекратилась.

Шведы нуждались въ отдыхѣ, ясногорцамъ онъ былъ еще болѣе необходимъ, тѣмъ не менѣе отдыхать имъ не пришлось, такъ какъ надо было исправить причиненныя непріятельскими выстрѣлами поврежденія.

Чарнецкій точно не чувствовалъ усталости и, какъ всегда, былъ бодръ и веселъ: онъ безпрестанно переходилъ отъ одного бастіона къ другому, шутилъ, смѣялся, учился наводить орудія, а во время только что минувшей бомбардировки при каждомъ удачномъ вѣстрѣлѣ радовался, какъ ребенокъ, и хлопалъ въ ладоши.

Уже наступили сумерки, какъ неожиданно къ нему подошелъ, опираясь на палку, пушкарь Гальмеръ.

— Имѣйте въ виду, — сказалъ онъ таинственно, — что завтра на насъ болѣе всего будутъ напирать съ западной стороны; Вахлеръ сообщилъ шведамъ, что тамъ слабѣйшій пунктъ оборонительной линіи, а потому, сдѣлайте соответственныя приготовленія; только никому не говорите, кто вамъ это передалъ.

— Господи Иисусе Христе! Откуда такое рвеніе? — воскликнулъ Чарнецкій, — а не выдумываешь ли ты только, дружокъ?

— Завтра сами увидите и убѣдитесь.

Шляхтичъ покачалъ головой; Гальмеръ, приблизившись, указалъ ему на непріятельскій лагерь.

— Смотрите, — сказалъ онъ, — какъ шведы удобно расположились кругомъ разведенныхъ костровъ и преспокойно грѣ-

ють свои животы; а потому, что намъ мѣшаетъ пустить въ нихъ теперь пару хорошихъ ядеръ и немного побезпокоить почтенныхъ лежебоковъ?

— Вотъ человѣкъ по мнѣ! — проговорилъ Чарнецкій, — вотъ это я понимаю! Я имъ сейчасъ запою спокойной ночи. Гальмеръ, ты просто молодчина!

Оба они поспѣшно кинулись къ орудіямъ, установили ихъ въ соотвѣтственномъ направленіи и, долго не думая, грянули изъ нихъ по совершенно неожиданнымъ такому сюрпризу шведамъ.

Непріятельскіе солдаты переполошились и бросились прочь отъ костра.

Услышавъ внезапный выстрѣлъ, настоятель поспѣшно прибѣжалъ въ укрѣпленіе.

— Что случилось, господинъ Чарнецкій? — спросилъ онъ шляхтича.

— Ничего, ничего, отче, мы просто пожелали шведамъ спокойной ночи. Дѣло, видите-ли, вотъ въ чемъ. Шведы изволятъ дурачиться съ нами; ну, мы, конечно, должны были имъ показать, что къ намъ надо относиться серьезно, съ большимъ уваженіемъ и воевать, какъ слѣдуетъ быть. Кто-же видѣлъ, чтобы хорошіе солдаты, находясь на линіи обстрѣла, разводили костры и грѣлись бы, какъ у себя дома? Вотъ почему намъ пришлось ихъ немного поучить уму-разуму. Пусть хорошенько промерзнутъ за то, что подняли оружіе на Пресвятую Дѣву.

— Но теперь ночь и нашимъ воинамъ слѣдовало-бы отдохнуть.

— А вы сами отдыхаете? — спросилъ Чарнецкій, — нѣтъ?! Ну, вотъ и мы послѣдуемъ вашему примѣру и во всякомъ случаѣ спать сегодня не будемъ, такъ какъ у насъ работы вдоволь.

— Что-же именно?

— Да вотъ Гальмеръ сообщилъ, что по совѣту Вахлера, непріатели завтра ударятъ съ западной стороны, а потому ее надо какъ можно скорѣе исправить и укрѣпить.

— Такая работа требуетъ много рабочихъ рукъ и я предлагаю вамъ свои услуги, — проговорилъ Кордецкий, — авось на что-нибудь пригожусь.